

В. В. Адоратский
820-86
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р. 288-5

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Мансакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ТРЕТИЙ (ДЕСЯТЫЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

АНГЛО-РУССКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1907 г. И РАЗДЕЛ АФГАНИСТАНА.

(По материалам секретного архива бывшего М. И. Д.)

1907 год явился крупнейшей вехой в истории международных отношений на Среднем Востоке. Во внешней политике русского империализма 1907 год отмечен двумя соглашениями: с Англией — по средне-азиатскому вопросу, с Японией — о взаимной поддержке территориальных домогательств друг друга в Китае. Оба эти акта связаны между собою глубоким внутренним единством. Они являются выражением поворота царской России на рельсы ближне-восточной политики, с центром тяготения в Константинополе, — уклоном, как известно, ставшим одним из решающих слагаемых в вопросе империалистической войны 1914 года.

По времени конвенция с Англией предшествует соглашению с Японией, но обоим предшествует русско-японская война и революция 1905 года. Соединенными усилиями подрастающего нового гегемона Дальнего Востока, опиравшегося на плечи английского капитала, русский империализм был навсегда отброшен ст теплого Китайского моря. Английская помощь не ограничивалась тоннами снаряжения и миллионами фунтов стерлингов, переданных союзнику. Вся береговая полоса России была поставлена под Дамоклов меч английского флота, а в пункте ближайшего соприкосновения их азиатских колоний русское командование стояло перед угрозой враждебных выступлений Афганистана и общих осложнений по средне-азиатской границе. В разгар войны из Туркестана на японский фронт не было взято ни одного солдата, ни одной батареи, и в связи с мероприятиями лорда Китченера в Северной Индии самим русским пришлось подумать об увеличении числа войск оккупации. Портсмутский договор, как таковой, конечно, не устранял русско-японских противоречий. Русский империализм мог примириться с потерей южной Манчжурии, Ляодунского полуострова и уже облюбованной Кореи, только в случае общего поворота своей внешней политики. Константинополь должен был с лихвою оплатить все счета Порт-Артура. Это ставило ребром вопрос о соглашении с хозяйкой Суэца и Гибралтара. И подготавливавшееся соглашение с Японией, по части совместного дружеского свежевания остатков Китая, включалось одним из звеньев в программу, где решающее значение имело сближение с британским империализмом. На заседании особого совещания по выработке русского ответа на английское предложение по средне-азиатскому вопросу министр иностранных дел Извольский прямо указал, что «переговоры с Англией, достигшие именно теперь самого жгучего пункта, находятся в непосредственной связи с теми, которые мы

ведем с Японией и которые, вероятно, скоро придут к желательному результату, выразившись в заключении серии конвенций, частью вытекающих из условий Портсмутского мира 1905 года, частью же имеющих самостоятельное значение. Соглашение с Японией будет, однако, не полным, если на ряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом».

Соглашение с Англией устраняло англо-русское соперничество на Среднем Востоке. При ликвидации счетов англо-русской вражды приходилось трезво взвесить, какими реальными непосредственными интересами обладала царская Россия в Персии, Афганистане и Тибете, если отбросить стратегическое значение этих стран, как подступов к Индии. Персия и Тибет выходят из круга нашего очерка. Остается Афганистан. Предоставим слово русским авторам соглашения 1907 года.

В своей программной речи на том же совещании министр иностранных дел Извольский настойчиво указывал, что «общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за ней внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов. С этой именно точки зрения нам следует разбирать вопрос афганский и рассматривать предложенные Англией пункты».

Было бы наивно предполагать, что политика Извольского построена целиком на рецептах Гаагской мирной конференции. Она просто понимает «реальную политику» в смысле отказа от безнадежной погони за двумя зайцами сразу. Дело в том, — указывает в своей докладной записке быв. посол в Константинополе Зиновьев, — «что сейчас представляется как нельзя более желательным вывести наш Черноморский флот из того бездействия, на которое он обречен, и открыть ему доступ в Средиземное море. Поднять этот вопрос окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии». Само собой понятно, что под этим углом зрения «все планы вторжения в Индию не выдерживают критики и должны быть отнесены в область фантазии». Засим следуют и выводы. «В случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах могли бы быть с нашей стороны сделаны ей уступки в средне-азиатском вопросе»¹).

Еще более откровенно высказался Коковцов:

«Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и уклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос является жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом»²).

¹) Зиновьев. «Секретная записка о соглашении между Россией и Англией». (Ср.-аз. департамент, дело № 86, докум. 145.)

²) По протоколу «Журнала особого совещания по афганскому вопросу» 14 апреля 1907 г. Присутствовали: Извольский, министр финансов Коковцов, начальник генерального штаба генерал лейтенант Палицын, министры торговли и промышленности, штаймлейстер Философов и ряд других лиц.

Здесь ценно откровенное признание Извольского, что Россия никаких реальных «замыслов», т. е. связанных с экономикой, в Индии не имеет. Если даже согласиться с Зиновьевым, что эти замыслы являются плодом чистой фантазии, то появление в головах петербургских сановников именно навязчивой идеи похода на Индию вряд ли имело бы место, если бы по ту сторону Гинду-Куша весь вице-королевский двор не страдал периодическими припадками мании преследования.

Царская Россия рассматривала Афганистан и Индию не со стороны их внутренней, самодовлеющей ценности, а исключительно под углом использования как пугала на англичан. Такой подход вылетал от времени до времени средне-азиатский вопрос в международные кризисы, но в общем и целом стводил ему скромное место оружия особого назначения, употребляемого только против определенного противника и при специфическом стечении обстоятельств. Пропадала нужда, и царская дипломатия охотно сдавала его до востребования в арсенал, благо Россия продолжала сохранять выигрышное географическое положение на границах Афганистана.

Иначе подходила к соглашению британская дипломатия. Для нее ценность Индии оставалась величиной, не зависящей ни от соглашения с Россией, ни от общего хода мировой политики. Индия была и остается осью английской политики на азиатском материке ¹⁾. И автор другой докладной записки по средне-азиатскому вопросу. Сементовский-Курило, в праве ожидать, что опорной точкой соглашения явится обращенное к России «требование вполне надежных гарантий безопасности Индии, без чего самая конвенция окажется невозможной ²⁾. Лондону только оставалось продиктовать свои условия. И действительно, за исключением одного маловажного пункта, первоначальные английские предложения по афганскому вопросу целиком вошли в текст договора.

Если суммировать все предшествующие уступки, сделанные русским министерством иностранных дел на протяжении XIX века, то конвенция 1907 года ничего нового по существу не вносит. Она только придает прежним уступкам юридическую стройность и полноту. В уже цитированной докладной записке Зиновьев тщательно выискивает остатки былой свободы действия в Средней Азии, которые Россия могла бы принести на алтарь будущей Антанты. Оказывается, что действовавшая до 1907 года формула признания Афганистана «лежащим вне сферы русского влияния» обходила молчанием вопрос о формальном согласии на английское руководство внешними сношениями эмирства и оставляла, таким образом, узкую лазейку, куда от времени до времени проскальзывали русские агенты. Конвенция в первой же статье заменяет эту эластичную формулу положительным обязательством России «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества, она обязуется также не посылать в Афганистан никаких агентов».

Если капитуляция России по вопросу о сношениях с Афганистаном была необходимой предпосылкой соглашения, то этот момент далеко не исчерпывает всех его возможностей. Само по себе запоздалое отречение России от всяких «замыслов»

¹⁾ В самом тексте конвенции ни полслова не упомянуто об Индии. Этот ее лицемерный характер был в свое время вскрыт Снесаревым. См. его «Англо-русское соглашение 1907 года», стр. 24—25.

²⁾ «Записка по афганскому вопросу» д. с. с. Сементовского, № 965 вх. с. ж. I Отд. 27 апреля 1907 года.

в Афганистане и Индии не разрешало основных жизненных задач, стоящих в ту пору перед британской империей на Среднем Востоке.

В 1904 году лорд Эленбороу одной фразой сдал в архив традиционную Биконсфильдовскую политику поддержки Турции против России. Он сказал: «Лучше видеть Россию в Константинополе, чем немецкий военный арсенал на Персидском заливе». С каждой законченной верстой строившейся Багдадской дороги немецкий капитал железным клином внедряется в Месопотамию, подготавливая сферу влияния и в Персии, и в Афганистане. На смену русской опасности на рубежах Индии выростала новая, более страшная опасность.

Дорога трех Б (Берлин—Византиум—Багдад) была не только по английским интересам.

Она грозила заменить мечту о православном кресте на св. Софии дешевым полу-месяцем немецкой фабричной работы. И, поскольку конвенция 1907 года была первым признаком будущего анти-немецкого фронта, она не только развязывала английскому и русскому империализму свободу действия на Западе, но закладывала одновременно первый камень политического и военного сотрудничества Англии и России на азиатской почве.

Объектом их общего действия становится и Афганистан.

Объем русского участия определялся двумя моментами: неудачей всей предшествовавшей английской политики, направленной к захвату Афганистана, общим международным положением и, в частности, ростом немецкого влияния на Среднем и Ближнем Востоке.

В Лондоне не делали тайны из истинного положения вещей. Сэр Эдуард Грей без обиняков заявил царскому послу Бенкендорфу: «Мы рассматриваем Афганистан, как угрозу для безопасности английских владений, и эта идея не была упущена во время недавних военных реформ в Индии». Бенкендорф вряд ли обманулся, кто для кого представлял военную угрозу,—британский ли империализм Афганистану, или наоборот. Но самый факт укрепления англо-афганской «дружбы» методами военной подготовки не говорил за ее прочность в данный момент. Дальше-больше, и Грей признается в бессилии английского влияния, когда советует Бенкендорфу «отказаться от предвзятой мысли, что Афганистан как в силу договора Дэна, так и вследствие поездок эмира в Индию уже вполне подчинился некоторого рода протекторату Англии, дающему ей возможность делать там, с точки зрения политической, административной и военной, почти все то, что она захочет». И поскольку задача закрепощения афганского народа оказывается еще неразрешенной, то «дальнейшее увеличение военного могущества Афганистана рассматривается, как опасность для Индии, и придается большое значение тому, чтобы эта страна осталась изолированной и замкнутой»¹⁾.

И действительно, британское правительство вполне отчетливо сознавало, что Афганистан отнюдь не представляет собой колонии в обычном смысле этого слова: оно решительно отвергло мысль об ограничении своей свободы действий в отношении Афганистана: «Какое-либо ограничение такой свободы со стороны Великобритании не преминуло бы подвергнуть серьезной опасности мир в Средней Азии, по-

¹⁾ Слова Грея по донесению Бенкендорфа Извольскому 5 апреля 1907 года, № 742 вх. ср. д. II отд.

ощряя эмира и его подданных игнорировать трактаты, которыми регулируются отношения, существующие между Великобританией и Афганистаном. Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции», — писало британское министерство иностранных дел в меморандуме от 12-го августа 1907 года ¹⁾.

В немногих словах целая программа. Тезис первый (подразумевается): английский империализм за сто лет упорной работы не сумел превратить Афганистан в свою колонию. Тезис второй: Афганистан представляет собой самостоятельную силу и притом враждебную Англо-Индии. Тезис третий: окончательная ликвидация Афганистана откладывается до поры до времени. На ближайшее время подготовка ограничивается паллиативными мерами — прекращением притока свежих сил извне и возможным ослаблением Афганистана, его изоляцией.

По последнему пункту Россия могла оказать ценные услуги. Самый факт англо-русского соглашения объективно ослаблял Афганистан.

После провокации миссии Столетова, стоившей Афганистану войны 1878 года и крупных территориальных потерь, никто не питал особых иллюзий на счет помощи с севера. К русской «дружбе» относились, может быть, с большим недоверием, чем к английской. Но именно с тех пор лавирование между обоими соперниками и сознательная игра на их противоречиях была положена в основу афганской политики эмиром Абдуррахман-Ханом. Создание объединенного империалистского фронта в корне подрывает эту шаткую опору. При новых условиях малейшая потеря внутреннего равновесия грозила стать концом для афганского государства, всякий пограничный инцидент — предлогом для иностранного вмешательства. И, само собой, Афганистан, имея в тылу враждебную Россию, никогда не решится на разрыв или военные действия против англичан. В потенциальной возможности использовать русские штыки против Афганистана и лежал новый козырь в английских руках. Русская угроза была ценна постольку, поскольку она оставалась только угрозой. И британский империализм, пока еще не поступаясь своими историческими «правами» на Афганистан в целом, не отказываясь от роли единственного представителя афганских интересов перед внешним миром, мог в обстановке, успокоенной негласным присутствием русского жандарма, продолжить свои попытки «мирного внедрения» в Афганистан.

Приведенная часть программы сэра Эдуарда Грея отличается последовательностью, но она предусматривает только три слагаемых — Россию, Англию и Афганистан. Была еще одна новая сила — Германия, и она могла перепутать карты. Если Афганистан сам по себе рассматривался, как величина, которую нельзя игнорировать при военной подготовке на границе, то Афганистан плюс третья держава представлял уже более внушительную угрозу. Возможности практического сотрудничества между Афганистаном и Германией были ничтожны. Полосу немецкого влияния в районе Багдадской жел. дороги разделяла от Афганистана Персия, тогда всецело подчиненная англо-русскому капиталу. Однако, чем меньше корней имело английское влияние в самом Афганистане, а оно их имело очень мало, тем в большей

¹⁾ № 1697 ж. вх. с. о. п. с. II отд.

степени выполнение эмиром своих обязательств перед англичанами зависело от общего международного положения. В частности, дальнейший успех и Германии на мусульманском Востоке, рост обаяния ее военного могущества и, наконец, появление немецких агентов в Кабуле могли толкнуть Афганистан на выступление против чужеземной опеки. Это, конечно, был бы казус для новой англо-афганской войны. Правительство его британского величества охотно признает независимость и суверенность азиатских государств, как Персии, когда дело идет об удобной фикции, прикрывающей более интимный характер англо-персидских отношений. Но оно вынуждено цепляться за свои формальные права там, где, как в Афганистане, протекторат ограждал целую страну от посторонних влияний и оставался последним шансом ее будущего закабаления. И Эдуард Грей предвидит, что «в случае дальнейшего усиления Германии в районе Багдада и появления немецких агентов в Афганистане мы будем вынуждены пойти на крайние меры» ¹⁾.

Статья вторая конвенции определяет самую сущность англо-афганских отношений. «Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, что оно признает соглашения и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдурахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора».

Добрые обещания лондонского кабинета пощадить чужую территорию и не вмешиваться в дела внутреннего управления соседней страны были бы сомнительной гарантией. Но в данном случае самоограничение английского империализма отнюдь не носило добровольного характера. Кабульский виноград был слишком зелен, и заставить идти за ним в третий раз в поход, после проигранных войн 1841 и 1880 годов, могла только угроза отказа эмира от «обязательств, уже принятых им на себя по отношению к правительству его британского величества». Как известно, единственным таким обязательством, с грехом пополам исполнявшимся афганцами, было допущение контроля над внешними сношениями страны.

Но к чему, спрашивается, было выносить сор из избы и суживать свою свободу действия по договору с Россией, включая туда, правда, в косвенной и недоговоренной форме, элементы признания эмирства, как самостоятельной силы? До этого времени все международные акты, касавшиеся Афганистана, стремились игнорировать самое его существование. Правда, и на этот раз традиционная внешность соблюдена: судьбы Афганистана опять решаются без его участия. Однако, постановления конвенции составлены в приближении к действительности и, скажем, забегая вперед, имели для Афганистана силу постольку, поскольку ни в чем не изменяли старого порядка вещей.

С отказом России от агрессивных планов в Индии, естественно, падал интерес ее к Афганистану. Но обе стороны продолжали оставаться соседями, и события за Аму-Дарьей задевали и царскую Россию, поскольку дело шло о безопасности границ, торговли и ряде других неполитических моментов. В общем и целом фактиче-

¹⁾ См. уже цитированное донесение Бенкендорфа.

ская самостоятельность Афганистана русской Средней Азии не угрожала и могла быть терпима, поскольку империалистская держава может вообще спокойно относиться к такому феномену XX века, как 7 милл. афганцев без колониального ярма. Вопрос же о выполнении конвенции был для России, в лучшем случае, вопросом дружеских отношений с Англией. Никаких территориальных приобретений в Афганистане этот путь как будто принести не мог.

Такое равнодушие не удовлетворяло англичан. Они, естественно, стремились к тому, чтобы русский жандарм был надежным жандармом и сторожил северо-афганскую границу не за страх, а за совесть. И хотя ему по существу была отведена пассивная роль, англичане пытаются вызвать у царской России интерес к своим новым служебным обязанностям. Приманкой мог бы служить сам Афганистан. Признания Грея должны были показать, что Афганистан является непочатым полем для колониального использования. И если Россия действительно отрекалась от фантастического похода на Индию, отчего не признать ее вполне «реальные» интересы в Северном Афганистане? И конвенция 1907 года намечает этот путь, декларируя в статье 4-й «принцип торгового равноправия» России и Англии в Афганистане. Признание торговых интересов — лишь шаг к признанию политических.

И русская экспортная торговля начала готовить завоевание будущей зоны «исключительного русского влияния». Царская Россия не располагала в Афганистане такими удобными средствами мирного «экономического влияния», как консульская сеть и консульская юрисдикция. Все исполнительные листы или коммерческие иски к афганско-подданным падали у порога страны, изъятой из общего оборота законов капиталистического общества. И надо отдать афганским кушам справедливость, они пользовались этим правом убежища с возможной широтой. Ни один русский купец не мог въехать в пределы Афганистана, а самая торговля находилась вне защиты какого-либо международного соглашения. Правда, эти же трудности сужали размах и англо-афганской торговли, но все же, при наличии туземного агента в Кабуле, она значительно легче текла по каналу, обильно смазанному английской субсидией. Кроме того, русский капитал никогда не сумел развернуть такого гибкого, всепроникающего, посреднического аппарата, каким для английских интересов являлась индийская колония в Афганистане, занимавшаяся исключительно ростовщическими и торговыми операциями.

Русская торговая политика без труда вышла из всех затруднений, не разрешив ни одного организационного или технического вопроса. И к чему было их решать, когда русский потребитель мог с успехом уплатить все убытки по конкуренции с англо-индийскими товарами даже в такой архи-невыгодной обстановке, как афганская. Ряд «поощрительных мер» (премии при вывозе мануфактуры, возврат акциза для других товаров) обеспечивал такое понижение цен на русские экспортные товары, что по уплате бухарского зякета, 40% афганской пошлины и бесчисленных накладных расходов они оказывались дешевле англо-индийских и даже вытесняли их с афганских рынков. С 1901 по 1913 год ввоз русской мануфактуры вырос в 8 раз, а общий оборот торговли увеличился в 3 раза, при чем в русском экспорте первые места занимали мануфактура, сахар, металлические изделия, а в афганском вывозе каракуль, шерсть, хлопок. Такой «успех» носил довольно непрочный характер, поскольку русский сахар стоил в Кушке 20 коп., а в афганском Герате — 17—18 коп.,

несмотря на расходы по транспорту, а выдача премий часто превышала половину общего оборота русско-афганской торговли (1911 г. 4.760 тысяч рублей при общем торговом обороте в 8.885 тысяч рублей).

Погоня за афганским потребителем не прекращалась. Министерство иностранных дел, в чаянии будущего обращения торговых интересов в политические, настаивало на применении новых и новых льгот по русско-афганской границе. Нератов просто мотивировал свою точку зрения: чем больший район Афганистана хотим мы подчинить своему «влиянию», тем на большие жертвы придется идти ¹⁾. А район, на который метил русский империализм, обнимал весь северный Афганистан до снеговых гор Гиндукуша. Здесь, на водоразделе Индии, Российская империя должна была, наконец, найти покой в своих естественных границах, а афганское население заплатило бы потом и кровью по счетам торговой благотворительности г. Нератова. Оплатить было из чего. Именно западная часть Чаар-вилайета и левое побережье Аму-Дарьи, включая области Ахчан, Маймене, Шибурхан, Андхой и Гератскую провинцию, по своим климатическим и почвенным условиям открывали великолепную возможность для развития хлопководства: «Афганский Чаар-вилайет представляет именно одну из тех областей, — писал туркестанский генерал-губернатор министру иностранных дел Сазонову, — которая как бы самой природой создана, чтобы снабжать Россию хлопком. Для этого нужно оказать поддержку местному населению, снабдить его соответствующими семенами и кредитом, распространить в его среде необходимые технические знания и усовершенствованные орудия обработки» ²⁾.

Для полноты идиллии мы добавим только русского пристава и русскую водку. Превосходство военной техники всегда прокладывало путь европейской торговле на Востоке. В Афганистане же она должна была сделать пролом там, где войска его британского величества два раза ходили на приступ и были разбиты. И московскому ситцу эта задача так же была не по плечу, как ланкаширским изделиям. Афганистан в 1913 году дал годовой оборот 31.000 рубл. для всей внешней торговли страны. Хива за тот же срок дала 30.000 рублей. Население Афганистана также относится к населению Хивы, как 3 к одному, и, принимая естественную среду и богатства на душу населения за величины приблизительно равные в этих двух странах Среднего Востока, одинаково бедных и слабо населенных, мы придем к выводу, что афганское народное хозяйство продолжало сохранять свой исключительно замкнутый, самодовлеющий характер.

Между тем Афганистан, последний нетронутый уголок Азии, в окружении империалистской России и Англии, представлял значительные политические неудобства для соседей, так же, как и они для него.

Для начала эмир Хабибулла отказался присоединить свою подпись к решениям конвенции 1907 года. Сам эмир отличался большим уважением к английской конституции и к английской субсидии. Но в афганской политике, кроме этой, были и другие пружины, которые при случае могли угрожать личной безопасности Хабибуллы и его положению на троне. И эмир выразил решительный протест, обратив

¹⁾ «Ради этой цели, полагаю, мы должны требовать от таможенного по афганской границе тарифа не столько фискальных выгод, сколько содействия для привлечения в торговые сношения с нами наибольшего района афганской территории». Письмо Нератова к военному министру 2 сентября 1910 г., № 2163.

²⁾ Письмо от 22 ноября 1912 года, № 3583.

в ничто «торговое равноправие», «допуск торговых агентов» и «непосредственные сношения пограничных властей», выговоренные царской Россией.

Более того, Афганистан пытается восстановить свое пошатнувшееся международное положение путем установления более тесных связей с соседними мусульманскими странами. Сотрудничество Афганистана с Персией, Турцией и Индией периода острого подъема национально-освободительной войны 1907—1910 годов было, конечно, возможно в весьма ограниченном объеме. Персидская революция, младотурецкий переворот и движения свадеши в Бенгалии были каждое для своей страны смотром классовых сил, разбуженных долголетней колониальной работой европейского капитала в Азии. Расчищая путь к борьбе угнетенных масс против колониального режима, притаившегося за шахским и султанским самовластием или кастовой исключительностью, эти движения рушили одновременно старые формы общественной, политической и религиозной жизни Востока. Афганистан же стоял в стороне от широкой исторической дороги. Силы революции в колониях и полуколониях были также чужды этой стране, как и вызвавшие их причины. Староверческому, глубоко реакционному афганскому духовенству ломка традиционных предрассудков мира ислама в соседних странах казалось святотатством. Порча веры в Индии, Турции и Персии как бы подчеркивала, что единственно избранной страной, которой суждено занять первенствующее положение среди других мусульманских государств, является «богоданный» Афганистан. И Хабибулла последовательно проводит эту политику. Он отказывается признать права халифа за Магометом V. Во время своей поездки в Индию он уже пытается войти в роль верховного покровителя индийских мусульман, роль, так блестяще разыгранную впоследствии его преемником на троне. Обиение Афганистана с его мусульманскими соседями имело двойную практическую подкладку. Оно должно было укрепить обаяние эмира в глазах собственных подданных, а с другой стороны, было надежным средством вымогательства от англичан тех или иных уступок под угрозой обращения Афганистана в орудие «турецких инструкторов» или «индийских агитаторов». Сам эмир, напуганный судьбой Абдул-Гамида, с большой долей осторожности относился к единоверческим иностранным друзьям, а англо-русское влияние в Персии и строгая слежка по туркестанской и индийским границам фактически сужали мост связей между Кабулом и другими центрами мусульманской жизни.

Все же в период 1908—1910 годов в Кабуле накапливается до 15—20 турок, занимающих более или менее видные должности в качестве врачей, учителей и офицеров. Эта группка турок, незначительная численно и по своему интеллектуальному уровню, создает панику в Лондоне и Петербурге. Царская Россия обращается с предостережением «о грозной опасности» к англичанам, а последние, бессильные сделать что-либо в Кабуле, добиваются в 1910 году у турецкого правительства официального отречения от всякой просветительной или инструкторской работы в Афганистане. Афганистан был неудобным соседом и в другом отношении. Он служил базой для контрабандной торговли оружием и для просачивания его в Индию и на территорию независимых племен северо-западной границы.

Первым звеном контрабандного ввоза был Маскат и ряд других портов Османского побережья и на Персидском заливе. Сюда оружие доставлялось на пароходах из Европы, большей частью под немецким флагом, перегружалось далее на парусники каботажного плавания «*dhoshi*» и развозилось по побережью. Главными потребителями

являлись воинственные арабские и персидские племена, Афганистан и Индия. Для последних двух стран следующим этапом служили порты Белуджистана, в частности Гвадар, оттуда оружие караванным путем доставлялось в Афганистан и дальше в Индию. Перевозка контрабанды *terra firma* производилась исключительно афганскими средствами и при явном содействии пограничных властей. Для торговли оружием в Кабуле было образовано нечто в роде акционерного общества, председателем которого являлся брат эмира Насрулла-Хан. Понятно, что при этих условиях афганская территория служила надежным складочным местом для оружия и не менее надежной базой для всех операций, связанных с контрабандой. С известным ростом материального благосостояния пограничных племен после замирения их с англичанами (1907—1910 г.г.) и временным исчезновением таких факторов экономической жизни горцев, как голодная блокада со стороны англичан, сожжение посевов, увод скота и т. д., торговля оружием растет с головокружительной быстротой.

По исчислениям царского генерального консула в Бомбее, в 1909 году в Маскат было ввезено свыше 85 тысяч ружей, а в следующем году эта цифра возросла до 103 тысяч. Из общего количества на долю независимых племен и Северной Индии приходилось от 20—30 %. И англо-индийское правительство, как и в вопросе с турецкими инструкторами, в борьбе с контрабандным ввозом оружия пошло по линии наименьшего сопротивления. В Персидском заливе и северной части Арабского моря был усилен состав английского флота, началось беспощадное преследование контрабандистов. Одновременно была увеличена пограничная охрана в Белуджистане, и принят ряд других мер. В результате приток оружия значительно сократился, хотя в более скромных размерах он продолжался до начала мировой войны.

Русский империализм первый сделал вывод из конвенции 1907 года и намеченного ею союза английских и русских владельцев колоний против своих азиатских подданных.

В период, непосредственно примыкавший к 1907 году, русская дипломатия все еще находилась под впечатлением, что Афганистан все же является колонией обычного типа. И преобладание английского влияния в этой стране могло принести ценные преимущества в общей борьбе России и Англии против Германии и выдвигаемого ею Багдадского рельсового пути, как кратчайшей дороги между Индией и Европой.

Еще в 1902 году Витте предлагал противопоставить Багдадскому проекту соединение русской и английской жел.-дорожной сети в Азии. Транс-Афганская железная дорога должна была пойти по равнинной, плоской части Афганистана, через Герат — Фаррах — Кандагар и требовала перевальной разработки только двух участков пути между Кушкой и Гератом через Паранамизский хребет и Кандагаром и Кветтой через Ходжа-Амаранский. Несмотря на то, что проект с технической и финансовой стороны не представлял трудностей и сократил бы путь между Лондоном и Калькуттой до 10 дней, он повис в воздухе. Англо-русские отношения того периода, отнюдь не способствовали осуществлению проекта, упразднявшего Афганистан, как буфер Индии, и открывавшего русскому нашествию новые стратегические возможности.

На смену транс-афганскому пути русский инженер и царский посланник в Пекине Лессар выдвигает вариант дороги через Восточную Персию, от Теджента на Закаспийские жел. дороги к Пулихатуму на персидской границе, оттуда через Турбети-Шахи-

Джан, Бенден и Кух и Маликсиях к границам английского Белуджистана на смычку с жел. дорогой Кушка — Кветта. Сейстанское направление, предложенное Лессаром, пролегал по местностям, не уступавшим Западному Афганистану по безлюдности и мелкой емкости местного рынка. Но оно имело то неудобство, что было вдвое длиннее Афганского (1.300 миль против 530 миль); и самое появление этого во всех отношениях менее выгодного варианта говорит о скрытой работе политических сил. Проект Лессара также встретил сопротивление англо-индийского правительства и остался только проектом.

Наконец, в 1908 году, уже в новой политической обстановке, на свидании русского Николая с английским Эдуардом в Ревеле опять выплывает вопрос о Транс-Афганской жел. дороге. Подробностей в архиве царского министерства иностранных дел не сохранилось, если не считать стереотипной фразы в отчете Извольского, что «лондонский кабинет признает желательность объединения сети русских и английских дорог в Азии в будущем, но он считает, что сейчас еще не наступило время». Пятью годами позже (1913 г.) британский империализм согласился на проведение так называемого индо-кавказского рельсового пути от русской Джульфы к Персидскому заливу, — пути, представлявшего с военной точки зрения одинаковую, если не большую, опасность для Индии. И мы не склонны объяснить отказ, полученный Извольским, одним предрассудком англо-русской вражды. Необходимо учесть, что Афганистан добровольно не открыл бы своих границ иностранной жел.-дор. магистрали, а применение силы поставило бы вопрос о англо-русском «сотрудничестве» против Афганистана в плоскость раздела этой страны. А так далеко Лондон пока ити не хотел, даже в интересах противодействия Багдадской жел. дороге ¹⁾.

В 1912 году Сазонов, во время своей поездки в Англию, передал сэру Эдуарду Грэю длинный жалобный меморандум по вопросу «о неудовлетворительном характере русско-афганских взаимоотношений». Там подробно перечислялись все неудобства пограничного соприкосновения России и замкнутого Афганистана. Основной грех заключался, конечно, в том, что Афганистан фактически находился вне сферы как английского, так и русского влияний. «Серьезность положения усугубляется еще тем, — говорится в меморандуме, — что Афганистан, при его настоящем положении, является сам по себе опасным очагом воинствующего пан-исламизма. Обособленность Афганистана, как было уже упомянуто выше, односторонняя, — т.е. афганцы, не пуская русско-подданных к себе, сами в то же время свободно переходят в пределы России. Наконец, необходимо отметить продолжающееся усиленное вооружение Афганистана... Оружие из Афганистана уже начинает контрабандным путем проникать в значительном количестве в Средне-Азиатские владения и в Бухару». И, ссылаясь на свои окрепшие «торговые интересы», русский империализм напоминает английскому о его долге перед афганским народом, в виду «опасности осложнений с Афганистаном, особенно в случае какого-либо конфликта России с Турцией». Поэтому «ради обеспечения спокойствия в сфере мусульманского Среднего Востока, в чем, несомненно, не менее России заинтересована и Англия», афганский вопрос ставится в порядок дня (всеподаннейшая записка Сазонова).

В ответ сэр Эдуард Грей и статс-секретарь по делам Индии лорд Крю единодушно заявили Сазонову, «что, несмотря на выплачиваемую эмиру ежегодно английским

¹⁾ См. «Daily Thelegraph», 11 января 1908 г.

правительством субсидию, Хабибулла-хан плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы не обострять положения, в виду невозможности принятия против Афганистана понудительных мер». В памятной записке британского министерства иностранных дел от 4 октября 1912 года с еще большей определенностью указывается на призрачный характер прав, выговоренных себе царской Россией: «Приняв после зрелого размышления по отношению к Афганистану политику невмешательства, великобританское правительство очень затруднялось бы настаивать перед эмиром на предоставлении русско-подданным льгот, которых оно еще не может требовать для собственных подданных, и оно не думает, чтобы побуждение эмира осуществить ст. 3-ю англо-русского соглашения могло увенчаться успехом».

Фактически, считаясь с Афганистаном, как самостоятельной силой, английское правительство все же сделало Афганистан объектом новых переговоров с Россией, которые намечали пути дальнейшего вмешательства обеих держав в дела этой страны. В связи с предполагавшимся пересмотром конвенции 1907 года в части, касающейся Тибета, русское правительство возобновило торг о будущем разделе Афганистана, выставив следующие требования:

«1) В виду явной опасности, которая бы грозила русским владениям в Средней Азии в случае каких-либо ирригационных предприятий в Северном Афганистане с расширением там культурной площади, и так как подобные предприятия могли бы возникнуть только при участии иностранных капиталов и под руководством иностранных подданных, то великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких предприятий или концессий такого рода в сказанной части ханства, т.-е. приблизительно на север от линии, составляемой водоразделом к югу от реки Герируда и Гиндукушем.

2) Великобританское правительство должно всячески содействовать осуществлению необходимых для нас ирригационных работ в ближайшем к границе нашей и Бухарской районе Афганистана.

3) В дополнение к статье четвертой соглашения 1907 года великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких монопольных прав торгово-промышленного свойства в пользу английских компаний или подданных в упомянутой в пункте 2-м зоне.

4) В виду важного значения, которое имело бы для наших экономических и стратегических интересов железно-дорожное строительство в Северном Афганистане, великобританское правительство обязуется не допускать такового без предварительного соглашения с нами» ¹⁾.

Отбрасывая литературную оболочку, можно сказать, что дело сводилось к признанию монопольных прав России в Северном Афганистане. Правда, они носили бы условный и призрачный характер, покуда Афганистан оставался тем, чем он был. Но вексель на будущие колониальные барыши, заверенный в Лондоне, получал вполне реальное содержание с минуты, когда русские и английские штыки стерли бы в своем встречном движении афганскую границу.

И английский империализм готов был выдать такой вексель, пока в его руках оставалась инициатива, пока за ним оставалось право определить самый момент

¹⁾ Справка по Афганистану бывшего министерства иностранных дел 16 января 1917 г. Дело I б.

ли в дации Афганистана. В письме от 24 мая 1914 года великобританский посол в Петербурге сообщал:

«Что касается Северного Афганистана, то великобританское правительство готово совместно с императорским правительством издать нижеследующее сообщение, текст коего был бы опубликован одновременно с конвенцией и другими нотами Тибета:

Императорское российское правительство вновь подтверждает принцип, что Афганистан находится вне сферы влияния русской политики.

Со своей стороны, великобританское правительство обязуется не поддерживать ни домогательств великобританско-подданных касательно концессий на ирригационные и железнодорожные сооружения, ни их требований преимущественных прав (привилегий) в коммерческих или промышленных предприятиях в Северном Афганистане, при условии, однако, что путем обмена секретных нот будет установлено, что термин «Северный Афганистан», как его следует понимать по отношению к этой декларации, будет обнимать собой только ту часть Афганистана, которая простирается на север от следующей линии:

От Ишкашана (Ишкашима) на Аби-Пяндже на Зебак; оттуда на проход Минджан; далее на проходы Навак и Мург; оттуда на Доши; далее через проходы Синджитак и Бабкак на Доаби-Шах-Пасанд; оттуда на Таркух на Банди-Амире; оттуда на Друлет-Яр. От последнего пункта линия шла бы по хребтам следующих горных цепей: Ванди-Баба, Сиях-Бубак до точки, где Гери-Руд вступает в русскую территорию у Зульфагара».

Особенно многозначительно звучит примечание, которым сэр Джордж Бьюкенен счел нужным снабдить пункт будущей декларации, подтверждающий, что Афганистан находится вне сферы русского влияния: «1-й пункт декларации по вопросу о Северном Афганистане, — писал он, — прибавлен лишь для того, чтобы сделать эту декларацию менее подозрительной в глазах эмира афганского».

Русское правительство отвергло английские предложения, исключавшие из будущей сферы русского влияния всю долину Гери-Руда с городом Гератом, этим важнейшим стратегическим центром Северного Афганистана. Вскоре весь вопрос был отложен, отчасти вследствие начавшейся войны, а главным образом потому, что китайское правительство отказалось ратифицировать тройственное англо-китайско-тибетское соглашение и что, таким образом, отпал предлог для царской России домогаться компенсации за уступки, сделанные Англией в Тибетском вопросе. Наконец, в 1915 году, во время переговоров по вопросу о Константинополе и проливах, царское правительство, соглашаясь на передачу Англии так называемой нейтральной зоны с Персией, выставило в числе других и следующее требование: «императорское правительство считает желательным одновременное разрешение вопроса о сопредельном с Россией Северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий на предшествующих переговорах ¹⁾».

Насколько можно судить, эти русские пожелания были признаны Англией приемлемыми.

Победоносная Октябрьская революция не только отменила все захватнические договоры, но создала Афганистану благоприятный тыл для борьбы за свою полную независимость, которой он и добился в результате третьей англо-афганской войны 1919 года.

И. Рейснер.

¹⁾ Телеграмма Сазонова русскому послу в Париже 7 марта 1915 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

496
34

820-86
334-7

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

ТОМ ВТОРОЙ — ТРЕТИЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ — СЕМИДЕСЯТЫЙ)

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

К истории англо-русского соглашения 1907 г.

Международные отношения в XX веке характеризуются особым обострением борьбы главнейших империалистических держав за передел мира. Призрак мировой войны встает при всяком локальном международном конфликте.

Мировая война 1914—1918 гг. не только не разрешила противоречий между основными капиталистическими странами, но сильно обострила их. Изучение предистории войны важно как с точки зрения раскрытия механики ее подготовки, так и для правильного понимания многих международных проблем современности.

Публикуемые ниже документы — записка Зиновьева о ходе англо-русских переговоров и три протокола особых совещаний по вопросам соглашения с Англией на почве раздела сфер влияния в Персии и урегулирования англо-русских трений в Афганистане — представляют собой значительный интерес.

В предшествующее империалистической войне полу столетие именно Англия являлась наиболее упорным и сильным противником царской России в ее экспансии на Востоке. «С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю, — читаем мы у Ленина, — и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Царьграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготавливая войну ее против России, — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»¹⁾.

Если в половине XIX в. Англия пользовалась «почти полной монополией на всемирном рынке», то в последней четверти XIX в. дело стало меняться. На арене мировой борьбы за первенство появился новый конкурент в лице молодой, стремительно развивавшейся Германии. Постепенное вытеснение с мирового рынка, угроза потери положения первой державы на море поставили к началу XX в. в порядок дня английской внешней политики задачу — разгромить нового конкурента силою оружия. После неудачных попыток договориться с Германией Англия должна была покончить со своей политикой «блестящей изоляции» и решительно искать себе союзников для предстоящей борьбы с Германией.

Германия, поздно вступившая на арену борьбы за колонии и получившая лишь остатки незахваченных земель, пошла на вывоз капитала в такие страны и на завоевание таких рынков, где она столкнулась не только с Англией, своим основным экономическим соперником, но и с Россией и Францией.

Только наличие общего врага в лице быстро развивавшейся Германии заставило Англию изменить свою традиционную политику в отношении России.

1) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 281—282.

Царизм в свою очередь охотно шел на политическое сближение с Англией, толкаемый к тому как своим внутренним, так и внешним политическим положением. Поражение в русско-японской войне, утрата бывшего влияния на Балканах в таких странах, как Болгария, Греция, Турция, нанесли сильный удар его «престижу» и его «великодержавности».

Сговор с Англией облегчал России возможность договориться с Японией, союзницей Англии по дальневосточным вопросам, с другой — Россия могла снова в центре внимания своей внешней политики поставить вопросы Ближнего Востока (Балканы и Проливы).

Русское самодержавие, разгромив революцию 1905 г., было бессильно разрешить противоречия внутри страны. Крайняя узость и медленное развитие внутреннего рынка, обостряя классовые противоречия внутри страны, ставили перед царской Россией проблему поисков внешних рынков. Опасения нового взрыва революционного движения порождали стремление путем победоносной внешней политики вернуть самодержавию ореол «былой славы и силы» и отвлечь народные массы от вопросов внутренней политики.

Царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией, «оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняем все более на задний план в Европе»¹⁾, пытался удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-националистической внутренней политики внутри страны и путем колониальных захватов.

Рост экономической конкуренции Германии, ее стремительное проникновение на рынки Малой Азии и Персии угрожали России потерей завоеванных ею позиций, главным образом на азиатских рынках. Укрепление политического влияния Германии на Балканах, особенно в Турции, предпринятая ею постройка Багдадской ж. д., имевшей не только крупнейшее экономическое, но и стратегическое значение, и ее вмешательство в персидские дела становилось угрозой для дальнейшей экспансии русского империализма.

Наконец стремительный захват Германией русского внутреннего рынка, главным образом сбытом промышленных изделий, начал вызывать в среде русских господствующих классов опасения, что в дальнейшем своем развитии это привело бы к превращению аграрной России в придаток к промышленной Германии.

Вся совокупность этих причин лежала в основе внешней политики царизма в предвоенный период, направленной к расширению и укреплению антигерманского политического блока — Антанты.

Сближению империалистов Англии и России способствовала также их общая боязнь развития национально-освободительного движения на Востоке. Русская революция 1905 г. оказала влияние и нашла отклик в ряде восточных стран. Развитие революции в Персии показало, что национально-освободительное движение в полуколониальных и колониальных странах неизбежно направлялось против империалистического гнета, хищнического хозяйничанья и эксплуатации со стороны так наз. «великих держав».

Боязнь в результате победы революции потерять свои колонии, а с ними и свое мировое могущество, заставила «свободную» «демократическую» Англию идти на уступку русскому самодержавию, охотно передоверяя ему функции жандарма азиатских народов.

Борьба с революцией, подготовка войны против Германии и ее разгром — вот главные основы англо-русского сближения, а затем сотрудничества в период империалистической войны.

1) См. резолюцию Пражской большевистской конференции 1912 г. В. И. Ленин, Соч.; изд. 3-е, т. XV, стр. 377.

Общая политическая обстановка после 1905 г. для обеих сторон создавалась такая, когда и царская Россия и Англия предпочитали идти друг другу на уступки, лишь бы достигнуть соглашения. Предметом переговоров явились три главные области англо-русского соперничества в Азии — Афганистан, Тибет и Персия. Публикуемая нами записка Зиновьева в общих чертах излагает начало и ход переговоров. Протоколы совещаний вскрывают наличие известных оппозиционных течений по вопросу о соглашении с Англией в среде русских правящих кругов, с одной стороны, — течения, боявшегося разрыва с монархической Германией, с другой — течения, шедшего главным образом из среды военной клики, которая видела в англо-русском соглашении препятствие к продолжению захватнической политики царизма в Афганистане и особенно в Персии. Но, по признанию Извольского, в случае европейского конфликта общее положение царской России было таково, что «она сразу сошла бы на уровень второстепенной державы». «Мы должны, — говорил он на совещании, — поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России».

Извольский получил безоговорочную поддержку со стороны Столыпина, признавшего, что внутреннее положение России не позволяло ей в тот момент вести политику новых захватов. Россия имела большую территорию для политической и экономической эксплуатации в Персии, соглашение позволяло ей легче договариваться с Англией по таким вопросам, как борьба с революционным движением на Востоке.

По соглашению, касающемуся Афганистана, Россия отказывалась от активного противодействия Англии, удовлетворившись правом непосредственных сношений с афганскими пограничными властями по возникавшим вопросам.

Приступая к переговорам о соглашении с Англией, царизм лелеял еще одну «заветную» мечту, как это видно из записки Зиновьева, — получить согласие Англии на пересмотр Лондонской конвенции 1871 года относительно закрытия Проливов и добиться свободного прохода через Проливы для русских военных судов. Домогательства царской России в этом вопросе окончились неудачей. Англия упорно оставалась на позиции, что свободный проход военных судов через Проливы может быть предоставлен России при условии равных прав с другими прибрежными странами.

Англо-русское соглашение, подписанное 18 августа 1907 года, было вызвано к жизни усилением англо-германских и русско-германских противоречий. Оно в свою очередь послужило к углублению этих противоречий и явилось одним из звеньев в подготовке мировой войны.

С. Пашуканис.

Секретная записка И. А. Зиновьева от 25 августа ст. ст. 1906 г. по вопросу о соглашении между Россией и Англией¹.

Вскоре после сообщения императорскому правительству текста заключенного между Англией и Японией 12 августа 1905 года союзного трактата английское правительство стало обращаться к послу нашему

¹) Архив внешней политики. Средне-азиат. ст., д. № 16, л. 43. — На записке знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым. Текст публикуемых документов подготовила к печати Е. П. Потемкина.

Зиновьев И. А. — чрезвычайный полномочный посол в Константинополе в 1898—1909 гг. До этого — начальник азиатского департамента министерства ин. дел.

в Лондоне¹⁾ с предложением возобновить ранее возникавшие между Россией и Англией переговоры по вопросам, не раз подававшим повод к недоразумениям между обеими державами.

Приняв в соображение, что между державами этими, без всякого предварительного уговора между ними, установилась почти полная тождественность взглядов на возникавшие в последнее время весьма сложные вопросы, каковы: критский, македонский и мароккский, бывший министр иностранных дел статс-секретарь граф Ламздорф²⁾, с высочайшего государя императора соизволения, письмом от 28 февраля 1906 года, за № 294, уполномочил графа Бенкендорфа уверить великобританского министра иностранных дел в том, что всякий шаг английского правительства в этом направлении будет встречен Россией с полным сочувствием. Вместе с тем нашему послу в Лондоне предписано было выразить сэру Эдуарду Грей³⁾ желание, чтобы великобританское правительство по всякому отдельному вопросу формулировало свои предложения, каковы и будут подвергнуты императорским правительством тщательному и беспристрастному обсуждению.

Из вышеизложенного следует заключить, что предстоящие переговоры коснутся значительного числа вопросов, имеющих отношение к политике России и Англии как в Средней Азии, так и на Ближнем Востоке.

Настоящая записка предназначена служить материалом для разъяснения вопросов, которые уже ранее подавали повод к недоразумениям и пререканиям между обеими державами и каковые послужат, по всей вероятности, предметом будущих переговоров между ними.

Есть основание думать, что одним из трех вопросов, которых коснутся предстоящие переговоры, послужит вопрос об Афганистане, который разделяют русские и английские владения в Средней Азии и в силу этого признается англичанами оплотом их владычества в Индии.

В Англии упорно держится предубеждение, что Индии может грозить опасность со стороны России, и в силу этого английское правительство не раз домогалось получить от императорского кабинета формальное уверение в том, что оно чуждо каких бы то ни было враждебных намерений относительно Индии и Афганистана.

К удовлетворению этого желания не может, конечно, встретиться препятствий, так как все планы вторжения в Индию не выдерживают серьезной критики и должны быть отнесены к области фантазии.

Независимо от этого английское правительство уже давно пытается вызвать императорский кабинет на обещания по вопросу о непосредственных сношениях между Россией и Афганистаном.

Поводом к этим попыткам послужил переданный нашим поверенным в делах в Лондоне д. с. с. Лессаром маркизу Сольсбери⁴⁾ 6 февраля 1900 г. меморандум, в коем заявлялось, что ввиду естественного развития сношений между Россией и сопредельным с ней Афгани-

¹⁾ Послом в Лондоне с 1902 г. до Февральской революции 1917 г. был граф А. К. Бенкендорф.

²⁾ Ламздорф В. Н., граф, министр иностранных дел с 1901 по 1906 г.

³⁾ Грей Эдуард, английский министр иностранных дел с 1905 по 1916 г. в либеральных министерствах Кемпбел-Баннермана и Асквита.

⁴⁾ Роберт Сольсбери (1830—1903), маркиз, лидер консервативной партии в палате лордов, Премьер-министр с 1895 по 1902 г.

станов императорское правительство поставлено в невозможность долее воздерживаться от непосредственных сношений с правительством афганского эмира, что оно признает необходимым установление таковых сношений по пограничным делам, но что сношения эти не будут иметь политического характера, так как императорское правительство, будучи намерено сохранить в силе свои прежние соглашения с английским правительством, продолжает признавать Афганистан страной, находящуюся вне сферы влияния России.

Вскоре после того английским правительством получено было от вице-короля Индии письмо, адресованное нашим политическим агентом в Бухаре афганскому коммерческому агенту в том же городе, в коем д. с. с. Игнатъев¹⁾ сообщал названному агенту, что письмо его, Игнатъева, есть первый шаг к установлению прямых дружественных отношений между Россией и Афганистаном, и по поводу распространившихся слухов о передвижении русских войск в Закаспийском крае заявлял тому же агенту, что русское правительство не питает и никогда не питало враждебных чувств к Афганистану.

Английскому послу в С.-Петербурге г. Скотту²⁾ поручено было обратить внимание статс-секретаря графа Ламздорфа на означенное письмо, как имеющее политический характер, и выразить надежду, что императорским правительством будут приняты меры к недопущению в будущем таковых сообщений.

Взгляд английского правительства на затронутый в переданном г. Лессаром меморандуме вопрос был изложен в инструкции, адресованной лондонским кабинетом английскому послу в С.-Петербурге 16(29) января 1902 г. и выписка из коей передана была г. Скоттом статс-секретарю графу Ламздорфу.

«Правительство его величества короля, — говорилось в означенной инструкции, — не желает оспаривать основательность доводов в пользу прямых сношений между русскими и афганскими пограничными властями по делам местным, но, ввиду лежащей на нем обязанности заведывать внешними сношениями Афганистана, оно считает долгом заявить, что соглашения по означенному предмету могут быть установлены лишь с его согласия, и что предложения, касающиеся этого вопроса, будут рассмотрены афганским эмиром лишь в том случае, если они будут переданы ему и рекомендованы великобританским правительством. Правительство это признает также необходимым, чтобы до изготовления таковых предложений ему сообщены были более точные объяснения относительно порядка, который русское правительство желало бы применить в сношениях между пограничными властями, ограничений, коим должны подчиняться эти сношения, а также и тех средств, при помощи коих соблюдение означенных соглашений могло бы быть обеспечено».

Упомянутую выше инструкцией английскому послу в С.-Петербурге поручено было объявить статс-секретарю графу Ламздорфу, что великобританское правительство готово будет в самом дружественном духе обсудить предложения, которые будут сделаны ему по настоящему вопросу русским правительством.

¹⁾ Игнатъев В. И. — политический агент в Бухаре в 1896—1902 гг.

²⁾ Скотт — английский посол в России в 1898—1904 гг.

На предложение это со стороны императорского министерства иностранных дел не было дано прямого ответа, а в записке от 5 февраля 1903 г., врученной английскому послу, было заявлено, что взгляд русского правительства на афганский вопрос уже был подробно изложен в меморандуме, переданном г. Лессаром лорду Сольсбери 6 февраля 1900 г., что правительство это не считает нужным входить в дальнейшие объяснения по этому предмету и что сношениям, существовавшим до того между Россией и Афганистаном, должен быть придан открытый характер, каковая постановка вопроса не исключает возможности посылки в будущем русских агентов в Афганистан.

В записке высказывалось убеждение, что установление предположенного порядка вещей благотворно отразится на сношениях России не только с Афганистаном, но и с Великобританией, и к этому присовокуплено было, что императорское правительство чуждо намерению придавать настоящему вопросу политический характер и что пока не имеется в виду посылать русских агентов в Афганистан.

Из последующих объяснений, происходивших между маркизом Лансдоуном¹⁾ и нашим послом в Лондоне, явствует, что английское правительство не соглашалось отречься от взгляда, высказанного в инструкции, адресованной г. Скотту 16(29) января 1902 г., что оно настойчиво выражало желание получить от императорского правительства объяснения, о которых упоминалось в означенной инструкции, но что в то же время оно не допускало возможности изменить, без предварительного соглашения с Лондонским кабинетом, существующего порядка вещей, обязательного для России в силу предшествовавших соглашений.

Поводом к новым объяснениям между обоими правительствами по настоящему вопросу послужило дело о восстановлении некоторых разрушенных пограничных столбов на русско-афганской границе, каковая установлена была смешанной комиссией, состоявшей из русских и английских комиссаров, при коих состоял и афганский делегат²⁾. Начальнику Закаспийской области было предписано обратиться по этому делу к правителю Герата с предложением о назначении для этой цели смешанной комиссии из русских и афганских чиновников. Вследствие неполучения ответа на это приглашение и ввиду выраженного великобританским правительством желания о допущении английского генерального консула в Мешед в смешанную комиссию в качестве представителя афганского эмира начальнику Закаспийской области было вторично предложено предупредить правителя Герата, что в случае неприсылки им делегатов в комиссию пограничные столбы будут восстановлены нами без посторонней помощи и, во всяком случае, без участия английского генерального консула.

¹⁾ Лансдоун, маркиз, английский министр иностранных дел в консервативном кабинете Сольсбери с 1901 по 1905 г. До этого—вице-король Индии (1888—1893).

²⁾ В 1884 г. между Россией и Афганистаном возник пограничный спор вследствие занятия Россией Мерва. В начале 1885 г. ген. Комаров занял спорную территорию, разбив афганцев при р. Кушке. Конфликт привел к созданию в 1887 г. смешанной комиссии по русско-афганскому разграничению с участием англичан. Комиссия закончила работу 10 июля 1887 г. подписанием актов о пограничной линии от Чильдухтера до Турашека и от Чичили до Босага.

Вызванные этим инцидентом объяснения не привели ни к каким результатам. В заявлениях, сделанных нами английскому правительству, мы настаивали на нашем праве входить с афганскими властями в сношения по всем пограничным вопросам, а лондонский кабинет возражал на это, что вопрос об охране границы, установленной русскими и английскими комиссарами, не может быть признаваем вопросом не политическим.

Поводом к новым объяснениям по вопросу об Афганистане послужила тронная речь, произнесенная при открытии английского парламента в феврале 1905 года, в коей сообщалось о переговорах, возникших между Англией и Афганистаном¹⁾. Посол наш в Лондоне нашел необходимым заявить маркизу Лансдоуну, что сообщенное в тронной речи известие обратило на себя серьезное внимание императорского правительства, для которого было бы весьма важно получить уверенность, что политика английского правительства относительно Афганистана не подверглась никаким изменениям и что начатые с эмиром переговоры не имеют целью присоединения или занятия афганской территории.

Маркиз Лансдоун ответил графу Бенкендорфу, что он готов дать от имени великобританского правительства официальное уверение, что его политика не подверглась никаким изменениям, что оно намерено поддерживать с настоящим афганским эмиром отношения, каковые существовали при его предшественнике; что оно чуждо намерению присоединить афганскую территорию или вмешиваться во внутренние дела Афганистана, но что оно попрежнему настаивает на своем требовании, чтобы Афганистан был обеспечен от влияния или вмешательства какой бы то ни было иностранной державы и чтобы сношения между эмиром и другими странами попрежнему находились в ведении английского правительства.

В свою очередь, маркиз Лансдоун спросил графа Бенкендорфа, готов ли он взамен вышеизложенного заявления объявить от имени императорского правительства, что политика и намерение последнего относительно Афганистана равным образом остаются неизменными и что оно попрежнему смотрит на Афганистан как на страну, находящуюся вне сферы влияния России.

Граф Бенкендорф ответил английскому премьеру, что, по его мнению, не встретится затруднений к разрешению ему дать маркизу Лансдоуну уверения в желаемом им смысле, и прибавил к этому, что единственное отступление от существующего status quo, которого желает императорское правительство, касается обмена сообщений между русскими и афганскими пограничными властями по вопросам не политическим, имеющим местный характер.

В представленном им проекте письма, в коем изложены были приведенные выше объяснения, маркиз Лансдоун выразил графу Бенкендорфу готовность повторить от имени великобританского правительства данные им послу нашему уверения, если только последний сочтет возможным письменно изложить свои собственные уверения.

¹⁾ В 1904 г. был послан в Афганистан генеральный секретарь иностранных дел индийского правительства Вильям Дэн, подписавший в марте 1905 г. Кабульский (Дэновский) договор, в котором эмир Хабибулла принимал на себя все обязательства, данные Англии его отцом Абдурахманом по договору 1880 г.

При письме от 3 (15) марта 1905 г.¹⁾ наш посол в Лондоне препроводил в лондонское министерство врученную ему маркизом Лансдоуном копию с депеши, которая адресована была им английскому послу в С.-Петербурге 23 февраля (8 марта) и в коей изложено было содержание состоявшегося в тот же день объяснения между нашим послом и английским министром иностранных дел.

Граф Бенкендорф, как явствует из этой депеши, заявил маркизу Лансдоуну, что, признавая необходимым ввиду существующих обстоятельств руководствоваться особою осмотрительностью, русское министерство иностранных дел не считает возможным отступить от этого соображения и в делах, касающихся Афганистана, и что поэтому оно предпочитает не возобновлять объяснений по вопросам, по которым обе стороны уже высказали свои взгляды.

Что же касается ранее сделанного маркизом Лансдоуном заявления о том, что политика Англии относительно Афганистана осталась неизменною и что, вступив с эмиром афганским в переговоры, великобританское правительство чуждо намерению занимать и присоединять афганскую территорию, то граф Бенкендорф заметил английскому премьеру, что русское правительство, равным образом, желает, чтобы Афганистан продолжал оставаться государством-буфером и что, ввиду этого, оно будет воздерживаться от посягательства на независимость и неприкосновенность этой страны.

В заключение маркиз Лансдоун присовокупил, что английское правительство продолжает держаться уже ранее высказанного им взгляда на политические отношения между эмиром и Англиею. Граф Бенкендорф ответил, что он вполне понимает это и что только что состоявшееся объяснение ни в чем не изменило положения обеих держав по отношению к афганскому вопросу.

Из вышеизложенного очерка явствует, что во время минувших переговоров английское правительство домогалось:

1) получения нашего согласия на признание за Англиею права заведывать внешними сношениями Афганистана, и

2) соглашения между Россиею и Англиею относительно порядка, который должен быть применен к сношениям между русскими и афганскими пограничными властями, ограничений, коим должны подчиняться эти сношения, а также тех средств, при помощи коих соблюдение означенных ограничений могло бы быть обеспечено.

К обоим этим ходатайствам министерство иностранных дел отнеслось отрицательно. В инструкции, адресованной послу нашему в Лондоне 17 февраля 1905 г. за № 360, включены следующие указания:

«Контроль за сношениями эмира и другими странами есть дело между ним и великобританским правительством²⁾; включение этого пункта в переговоры явилось бы совершенно новым фактом и могло бы быть истолковано, как ничем не вызываемое признание с нашей стороны своего рода английского протектората над Афганистаном».

Далее в той же инструкции сказано: «Вам хорошо известно, что заявление наше 1900 года носило принципиальный характер и имело целью обеспечить нам известную свободу действий и что мы реши-

¹⁾ В подлиннике письмо датировано неправильно: 3(15) марта 1900 г.

²⁾ Так в подлиннике.

тельно отклонили все последующие попытки англичан добиться определенного соглашения о порядке непосредственных сношений и ближайшего определения характера их».

Не следует упускать из виду, что отношения Афганистана к Англии урегулированы торжественными договорами, заключенными между обеими сторонами; что охранение этих отношений, будучи, по мнению англичан, тесно связано с вопросом о безопасности Индии, представляет для них жизненный интерес и что весьма сомнительно, чтобы и сам эмир афганский, положение коего во многих отношениях зависит от благорасположения к нему великобританского правительства, решился уклониться от выполнения принятых им на себя по отношению к этому правительству обязательств. Для побуждения его изменить этому образу действий потребовалось бы с нашей стороны принятие принудительных и, по всей вероятности, весьма серьезных мер, а об этом не может, конечно, быть и речи.

Впрочем должно полагать, что и сам статс-секретарь граф Ламздорф отрешился в последнее время от высказанных им в инструкции от 17 февраля 1905 г. взглядов. Только этому обстоятельству можно приписать выраженное в письме к послу нашему в Лондоне от 28 февраля 1906 г. за № 294 желание, чтобы великобританское правительство по всякому отдельному вопросу определенно формулировало свои предложения. Немыслимо было бы обращаться в Лондон с таковым предложением, если бы министерство иностранных дел продолжало признавать невозможным сделать великобританскому правительству какие-либо уступки по вопросу, представляющему для него, как сказано выше, жизненный интерес.

Принимая в соображение совокупность вышеизложенных обстоятельств, нельзя не притти к заключению, что императорскому правительству предстоит с полным беспристрастием обсудить предложения, которые сделаны будут ему лондонским кабинетом по афганскому вопросу, и приискать такую формулу решения, которая, удовлетворяя справедливым домогательствам названного кабинета, не стесняла бы сношений наших пограничных властей с афганскими властями по вопросам, не имеющим политического характера; казалось бы, что при условии искренности и доброй воли с обеих сторон таковая задача не должна считаться неразрешимой.

Весьма вероятно, что беспристрастное отношение наше к этому вопросу побудит английское правительство к уступчивости в других вопросах, представляющих более значения для наших интересов.

Более трудным представляется приискать почву для соглашения нашего с Англией по делам Персии, которая с давних пор служит ареной упорного соперничества обеих великих держав.

Непосредственно соприкасаясь с Персией на пространстве от горы Арарата до реки Теджена¹⁾, Россия уже в силу этого обстоятельства призвана играть первенствующую роль в стране этой. Этим самым обстоятельством обуславливаются и меры, которые последовательно принимались императорским правительством в видах укрепления рус-

¹⁾ Река Теджен, или Герируд,—пограничная линия между Персией и Россией, Персией и Афганистаном.

ского влияния при персидском дворе и противодействия попыткам Англии поколебать его.

Между этими мерами особенного внимания заслуживают нижеследующие.

Еще в 1879 г. командированы были в Персию русские офицеры, на которых покойным Наср-эддин шахом ¹⁾ возложено было поручение организовать персидскую казачью бригаду ²⁾, каковая, как единственная благоустроенная часть, не раз оказывалась полезною для поддержания порядка в столице шаха.

Приступлено было к постройке на средства России колесных дорог от русской границы и побережья Каспийского моря к главным персидским северным рынкам. Часть дорог этих уже окончена.

В Тегеране основан был Русский учетно-ссудный банк ³⁾, деятельность коего распространялась на значительную часть Персии и который не без успеха конкурирует с английским (Шахиншахским) банком.

Ввиду крайнего расстройств персидских финансов шахскому правительству делались ссуды, сумма коих превышает ныне 33 миллиона рублей.

В 1891 году заключен был с Персией торговый договор, в силу коего товарам, ввозимым в Персию из России, обеспечены были значительные льготы, причем на персидское правительство возложено было обязательство применить установленный договором тариф на всем протяжении границ Персии. Заключение этой конвенции вызвало, было, негодование в Англии, но так как 9 статья англо-персидского трактата 1857 года обеспечивала Англии по торговле лишь права наиболее благоприятствуемой нации, то великобританское правительство вынуждено было, в конце концов, примириться с совершившимся фактом и заключить с Персией с 1903 года торговую конвенцию на основании тарифов, приложенных к русско-персидскому договору.

Русско-персидским торговым соглашением возложено было на шахское правительство обязательство преобразовать персидские таможи, каковое преобразование и было осуществлено под руководством принятых на службу бельгийцев.

На пространстве северного участка границы, отделяющей Хорасан от Афганистана, учрежден был нами собственный кордон противочумной охраны ⁴⁾ и, ввиду приписываемых шахским правительством Англии честолюбивых видов на Сеистан, возникло даже предположение о продолжении этого кордона на юг до означенной области.

¹⁾ Наср-эддин (1831—1896), персидский шах с 1848 по 1896 г. Был убит приверженцем секты бабидов за преследование этой секты.

²⁾ Персидская казачья бригада—персидская воинская часть, организованная и руководимая русскими инструкторами-офицерами,—служила средством укрепления политического влияния царской России и являлась орудием для подавления революционного движения в Персии. Была расформирована только после Октябрьской революции 1917 г.

³⁾ Русский учетно-ссудный банк в Персии был основан во время правления шаха Наср-эддина в противовес английскому Шахиншахскому банку и в руках царской России являлся орудием экономического и политического закабаления Персии. После Октябрьской революции советское правительство передало его персидскому правительству.

⁴⁾ Кордоны противочумной охраны в Персии фактически являлись наблюдательными постами царской России на афганской и сеистанской границах.

Наконец, с целью противодействия преобладающему влиянию Англии в Персидском заливе, открыты были русские консульства в Бендер-Бушире и Бендер-Аббасе¹⁾ и даже решено было отправить для постоянного пребывания в означенном заливе русское военное судно, к сооружению которого было даже приступлено.

Принимая в соображение совокупность интересов в Персии, императорское министерство иностранных дел в инструкции от 30 сентября 1904 г., коей д. с. с. Шпейер²⁾ снабжен был при назначении посланником в Тегеран, в следующих выражениях высказало взгляд свой на наше положение в Персии.

«Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя».

Руководствуясь этими соображениями, императорское министерство сочувственно отнеслось и к возбужденному тогда же персидским первым министром Атабек-Азамом³⁾ вопросу о заключении между Россией и Персией союзного договора. «Допуская даже, — сказано в упомянутой выше инструкции, — что Атабек-Азам, выступив с предложением союза, желая отчасти упрочить свое личное пошатнувшееся положение, мысль его лишь отвечала постепенно назревавшим жизненным требованиям и опиралась на причины реального основания, которые мы в дальнейшем ходе событий не могли не принять в расчет, тем более, что усилившаяся активная политика Великобритании ускорила наши решения на этом пути».

Оставляя в стороне вопрос о союзном договоре с Персией, который уже был рассмотрен министерством иностранных дел, нельзя не признать, что изложенный в инструкции министерства от 30 сентября 1904 г. взгляд на наши интересы в Персии не лишен основания и что нельзя совершенно отрешиться от него при обсуждении вопроса о соглашении нашем с Англией.

Предложения, уже сделанные нам лондонским кабинетом, заключались в следующем.

В 1887 году нам было предложено согласиться на разграничение областей влияния обеих держав в Персии с тем, чтобы каждой из них предоставлена была полная свобода заботиться о развитии своих промышленных интересов, а равно и об усовершенствовании путей сообщения в пределах естественно принадлежащей ей области, России — в северной части Персии, а Англии — в южной. Засим в конце 1890 г., ввиду данного нам Наср-эддин шахом обязательства не разрешать в течение 10-летнего срока постройки железных дорог, лондонский кабинет, под предлогом желанья устранить поводы к антагонизму России и Англии, выразил нам готовность допустить означенную отсрочку, но с тем, чтобы шах обязался, по истечении 10-летнего срока, посоветовать-

¹⁾ Консульство в Бендер-Бушире было открыто в 1901 г., а в Бендер-Аббасе в 1905 г.

²⁾ Шпейер А. Н. — посол в Тегеране в 1904—1905 гг.

³⁾ Атабек-Азам-ед-Доуле — первый министр Персии с 1901 по 1906 г. при шахе Мозаффер-эдине.

ся с императорским и английским правительствами относительно постройки железных дорог.

Оба означенные предложения были тогда же отклонены нами, но так как в 1910 г. окончится срок второго обязательства шахского правительства, продлившего на новые десять лет запрещение постройки железных дорог, и в Персии явно высказывается желание не откладывать долее постройки железных дорог, долженствующих будто бы поднять экономический уровень страны, то есть полное основание предполагать, что английское правительство воспользуется этим положением дел для возобновления своих прежних предложений.

Первое из изложенных выше английских предложений, а именно разграничение областей промышленной деятельности России и Англии в Персии, представляется несколько щекотливым. Не подлежит сомнению, что согласие наше на это предложение поколеблет до известной степени кредит наш в глазах персиян, но, с другой стороны, нельзя упустить из виду, что промышленные силы России не настолько развиты, чтобы мы могли с успехом конкурировать с английскою промышленностью на юге Персии, где промышленность эта уже пустила корни. Во всяком случае для нас выгоднее ограничить наши промышленные предприятия северными областями Персии, нежели допустить проникновение в эти области западной промышленности.

Что же касается вопроса о постройке персидских железных дорог, то из конфиденциальных источников нам известно, что английское правительство уже заручилось обязательством шахского правительства предоставить ему руководство постройкою дорог в южной Персии, как только настанет время приступить к осуществлению этих предприятий.

Мы не можем не считать с этим фактом, и потому следует ожидать, что вопрос о железных дорогах будет затронут при предстоящих переговорах наших с Англиею.

Сказать что-либо положительное относительно способа разрешения этого вопроса представляется преждевременным. У нас до сих пор не было выработано, и, вероятно, не скоро еще выработается проект по этому предмету, а о планах англичан мы не имеем никаких сколько-нибудь положительных сведений.

Существует предположение, что английское правительство, потратившее немало усилий и средств на открытие торгового пути от Келата через Нушки до Сеистана и предполагающее современем проложить по этому пути рельсы, попытается получить от персидского правительства концессию на продолжение этой дороги от Сеистана в западном направлении на соединение со строящейся Багдадской дорогой.

Осуществление этого предположения не может согласоваться с нашими интересами, так как железная дорога, которая соединит индийскую железнодорожную сеть с Багдадскою линиею, не принесет никакой пользы нашей торговле и притом навсегда лишит Россию выгод, которые она могла бы обеспечить себе в случае непосредственного соединения русской рельсовой сети с индийской и направления этим путем индо-европейского транзита.

Вопрос об этом транзите уже был предметом обмена мнений между министерствами иностранных дел и финансов. В совершенно секретном письме своем от 3 августа 1902 года, за № 395, бывший министр финансов статс-секретарь граф Витте высказал мнение, что соедине-

ние русской железнодорожной сети и индийской (через Кушк), создав линию, конкурирующую с Багдадской дорогой, отодвинет последнюю на второй план и лишит ее значения единственного мирового пути между Европой и Индией.

В принципе предложение статс-секретаря Витте представляется весьма правдоподобным, но есть основание думать, что осуществление этого предположения, во всяком случае, в близком будущем, встретит многочисленные и едва ли преодолимые препятствия. Несмотря на многолетние усилия английскому правительству не удалось добиться согласия как бывшего афганского эмира Абдуррахман-хана¹⁾, так и его преемника Хабибуллы-хана на соединение Кандахара с индийской железной дорогой. Как тот, так и другой усматривали в этом проекте угрозу своему могуществу и целостности Афганистана. Возможно ли ввиду этого допустить, чтобы эмир Хабибулла-хан изъявил согласие на осуществление столь обширного предприятия, какова постройка железной дороги через весь Афганистан, или же, чтобы англичане, как нельзя более дорожащие сохранением добрососедских отношений с эмиром, решились прибегнуть к крайним мерам, которые, несомненно, потребовались бы для достижения успеха в этом деле?

В делах первого департамента министерства иностранных дел имеется записка бывшего посланника нашего в Пекине Лессара, в коей высказывается мысль, что затруднения, препятствующие постройке дороги через Афганистан, могли бы быть обойдены, если бы нам удалось получить от персидского правительства концессию на постройку линии от Асхабада к Сеистану; в этом случае англичане, по мнению г. Лессара, не замедлили бы приступить к постройке линии от одной из станций индийской железной дороги к Сеистану, и таким образом состоялось бы соединение нашей железнодорожной сети с индийской.

В записке, представленной мною императорскому министерству при секретной депеше от 17 июля 1903 г., были изложены соображения, побудившие меня заключить, что намеченную г. Лессаром дорогу нельзя признать кратчайшим путем между Европой и Индией, что полоса персидской территории, которую она перережет, представляет на пространстве приблизительно 600 верст пустыню, жалкая производительность коей не в состоянии питать железную дорогу и что ввиду всего этого крайне сомнительно, чтобы железная дорога, проведенная в этом направлении, могла конкурировать с Багдадской дорогой.

Совокупность изложенных выше данных может послужить материалом при объяснениях наших с лондонским кабинетом по железнодорожному вопросу, но она не дает ключа к разрешению этого вопроса.

То же самое должно сказать и о других вопросах, которые будут, весьма вероятно, затронуты при переговорах и к числу коих могут быть отнесены: преобразование внутреннего строя Персии в размерах, необходимых для обеспечения спокойствия в стране этой, урегулирование финансового положения Персии, которое можно признать отчаянным, и некоторые другие.

¹⁾ Абдуррахман-хан был эмиром Афганистана в 1880—1901 гг. Подписал с Англией договор, по которому последняя выплачивала ему ежегодно крупную субсидию, взамен чего Абдуррахман обязался не входить в политические сношения ни с какой другой державой кроме Англии и отказался в пользу Индии от части афганских владений. Сын и преемник Абдуррахман-хана Хабибулла-хан был афганским эмиром с 1901 по 1919 г. и являлся в отношении Англии продолжателем политики своего отца.

Между тем казалось бы необходимым, в ожидании результатов переговоров с английским правительством, тщательно воздерживаться от мер, способных послужить поводом к новым пререканиям и недоразумениям.

Из секретной инструкции, преподанной министерством иностранных дел д. с. с. Шпейеру 30 сентября 1904 г., явствует, что решено было выслать в Персидский залив для постоянного пребывания русское военное судно и что к постройке его уже было приступлено.

Нелегко уяснить себе, в чем будет заключаться задача этого судна. В персидских портах ему решительно нечего делать, и сомнительно, чтобы могло принести какую-либо пользу появление его в портах аравийского побережья, где у нас нет ни торговых интересов, ни консульского представительства и которые на всем пространстве от мыса Рас-эль-Хадда до границы Бассерского вилайета, подчинены протекторату или исключительному контролю Англии.

Нельзя при этом упустить из виду, что климат Персидского залива до того злокачественен, что англичане, после нескольких неудачных опытов, вынуждены были отказаться от попыток содержать гарнизоны из сипаев в некоторых из аравийских портов и что экипажи английских судов, состоящие частью из уроженцев Индии, часто меняются. Нетрудно себе представить, в каком положении окажутся горсть русских моряков в этом отдаленном от России и негостеприимном крае, не представляющем никаких удобств, безусловно необходимых для уроженцев севера.

Принимая во внимание затруднения, с коими сопряжено установление дружественных отношений между Россией и Англией на почве Средней Азии, нельзя однако упустить из виду, что при настоящем политическом положении, искреннее и справедливое соглашение с великобританским правительством представляется весьма желательным. В виду этого нельзя не поставить вопроса: не представляется ли для нас возможным ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном, которых будет, по всей вероятности, домогаться лондонский кабинет, обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение коих особенно важно с точки зрения политических интересов России?

Между этими вопросами первое место занимает вопрос о проливах Босфорском и Дарданелльском, с давнего времени привлекающий к себе особенное внимание императорского правительства.

Черноморский флот наш постепенно усиливался, между прочим, в предположении, что, ввиду шаткости положения Турецкой империи и вероятия внутренних осложнений, для нас представится благовидный предлог и возможность утвердиться в верхней части Босфора и закрыть иностранным военным судам доступ в Черное море. При настоящем положении дел задача эта должна быть отложена на долгое время, и потому за Черноморским флотом нашим остается лишь значение оборонительной силы: он может быть на долгое время осужден на бездействие в смысле силы политической.

Такое положение дел крайне для нас невыгодно ввиду того, что за последние годы в Средиземном море заметно усиливается соперничество между державами, опирающимися на свои флоты, и что в бассейне этого моря назревают задачи, попытки к разрешению коих могут

повлечь осложнения и, во всяком случае, отразятся на группировке держав.

Существует полное основание догадываться, что между Францией и Италией состоялось секретное соглашение относительно турецких владений на африканском побережье — Триполи и Бенгази, на которые Италия давно уже простирает честолюбивые виды.

Еще более сложные и представляющие для России первостепенное значение вопросы назревают в Эгейском и Адриатическом морях.

Зародившиеся на Балканском полуострове национальные движения постепенно развиваются и неизбежно вызовут осложнения, которые вынудят державы к активному вмешательству в видах прекращения существующих между христианскими народами распрей.

Среди албанского населения, простирающегося до Адриатического моря, существует не прекращающееся брожение, которое, равным образом, потребует активного вмешательства держав в видах разрешения вопроса о будущей организации Албании. Между Австро-Венгрией и Италией существует соглашение относительно поддержания в крае этом *status quo*, но, принимая в соображение своекорыстные замыслы, которые каждая из этих держав питает против Албании, можно с уверенностью сказать, что соглашение это не устоит, когда настанет время приступить к разрешению албанского вопроса.

Наконец, не подлежит сомнению, что в случае крупных переворотов на Балканском полуострове и его переустройства, Греция не останется пассивной и попытается обеспечить свои притязания на Эпир и южную часть Фессалии и даже Македонии.

Разрешение перечисленных выше вопросов потребует от держав громадных усилий и, между прочим, вмешательства их флотов. Опираясь на могучий флот, коим она располагает в Средиземном море, Англия получит возможность решительно влиять на разрешение этих вопросов. Другие западные державы, Франция, Италия и Австрия, равным образом будут в состоянии выставить достаточное количество военных судов, необходимых для этой цели, тогда как Россия очутится в невыгодном положении, если в ее распоряжении останется та незначительная флотилия, которая находится ныне в Средиземном море.

Неравенство наших морских сил с силами остальных держав весьма резко обнаружилось во время предпринятой в прошлом году соединенной морской демонстрации у острова Митилены.

Ввиду вышеизложенных соображений и отдаленности наших балтийских портов от Средиземного моря представляется как нельзя более желательным вывести наш Черноморский флот из того бездействия, на которое он ныне осужден, и открыть ему доступ в Средиземное море, каковая цель может быть достигнута лишь путем пересмотра изложенных в Лондонской конвенции 1871 г. постановлений относительно закрытия проливов¹⁾. Поднять вопрос этот окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии.

¹⁾ Статья II Лондонской конвенции 1871 г.: «Начало [принцип] закрытия проливов Дарданельского и Босфорского в том виде, в каком оно было установлено особым трактатом 30 марта 1856 г., остается в силе, с предоставлением султану возможности открывать сказанные проливы в мирное время военным судам дружественных и союзных держав в том случае, когда Блистательная Порта признает это необходимым для обеспечения исполнения постановления Парижского договора 30 марта 1856 года».

Как во время японской войны, так и после окончания ее английский посол в Константинополе не переставал напоминать турецкому правительству о лежащей на нем обязанности в точности соблюдать постановления конвенции 1871 г. и при этом советовал ему заботиться об усилении обороны Босфора в видах предупреждения враждебных покушений со стороны России.

Казалось бы, что возникшие между Россией и Англией переговоры должны не только положить конец таковым внушениям, но и расположить английское правительство к более беспристрастной, чем прежде, оценке как русских интересов, так и той роли, которая предназначена России в вопросах, касающихся Балканского полуострова, и тех, которые назревают в Средиземном море. Если только обеим державам удастся войти в соглашение по делам как Дальнего Востока, так и Средней Азии, то это обстоятельство само по себе послужит благонадежною гарантию возможности объединения их взглядов на дела Балканского полуострова, где общие усилия их могут быть направлены к обеспечению балканским народам правильного развития и к беспристрастному разграничению их интересов. В случае одобрения английским правительством такой программы не должно, повидимому, встретиться с его стороны серьезных препятствий к оказанию России содействия в видах возможного уравнивания ее морских сил в Средиземном море с силами других держав, заинтересованных в Восточном вопросе.

Как само собою разумеется, полная отмена постановлений Лондонской конвенции 1871 г. относительно проливов, то-есть нейтрализация последних, не может отвечать нашим интересам, так как в таком случае открылся бы свободный доступ военным судам морских держав в Черное море. Желательным представляется добиться таких условий, которые обеспечили бы России возможность, в случае замешательства на Востоке, отправлять суда Черноморского флота в Средиземное море.

Казалось бы, что в случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах в означенном смысле могли бы с нашей стороны быть сделаны ей уступки в среднеазиатском вопросе и, в особенности, по вопросу о сношениях наших с Афганистаном.

Как само собою разумеется, благоприятное для нас разрешение вопроса о проливах зависит не от одной Англии. Необходимо будет добиться согласия и остальных держав на пересмотр Лондонской конвенции 1871 г., а ввиду этого должно предвидеть, что некоторые из них пожелают воспользоваться этим случаем, чтобы выговорить для себя некоторые выгоды.

В случае установления соглашения между нами и Англией, Франция не станет, конечно, создавать нам затруднений в вопросе о проливах, который не представляет для нее существенного значения. Италию можно будет удовлетворить признанием за нею прав на Триполи, но более трудным представляется приискать удовлетворение для Австро-Венгрии, виды коей на Балканский полуостров во многом расходятся с нашими взглядами.

Не легко также предусмотреть то положение, которое займет в настоящем вопросе Германия.

Зиновьев.

Журнал совещания 1 февраля 1907 г.¹⁾

По вопросу о соглашении с Англией на почве персидских дел в связи с вопросом о Багдадской железной дороге²⁾.

Председательствовал:

Министр иностранных дел гофмейстер А. П. Извольский.

Присутствовали:

Российский посол в Лондоне гофмейстер граф А. К. Бенкендорф.

Министр финансов статс-секретарь В. Н. Коковцов.

Морской министр генерал-адъютант И. М. Диков.

Министр торговли и промышленности шталмейстер Д. А. Философов.

Начальник генерального штаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын.

Помощник военного министра генерал-лейтенант А. А. Поливанов.

Состоящий для особых поручений при начальнике генерального штаба генерал-майор Н. С. Ермолов.

Старший советник министерства иностранных дел тайн. сов. К. М. Аргиропуло.

Товарищ министра внутренних дел д. с. с. С. Е. Крыжановский.

Директор первого департамента министерства иностранных дел д. с. с. Д. К. Сементовский-Курило.

Открывая заседание, председатель напомнил, что в предыдущем совещании³⁾ уже затронут был вопрос об основах для соглашения с Англией на почве персидских дел, но исключительно по частному случаю — оказания денежной помощи шахскому правительству. Ныне же предстоит высказаться по общему конкретному предложению великобританского правительства — о разграничении сфер влияния на Иране. До последнего времени мысль эта не встречала сочувствия в русском общественном мнении, и в руководящих кругах господствовало даже убеждение, что Персия должна всецело подпасть под русское влияние и что нам надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив, с проведением железнодорожной линии через всю Персию и созданием укрепленного пункта на означенном заливе. События последних лет выяснили однако несбыточность этого плана и выдвинули вопрос о необходимости устранить почву для конфликта с Англией, для чего наиболее подходящим средством является разграничение сфер влияния.

Министр иностранных дел, заявляя себя решительным сторонником этого взгляда, выразил желание сперва узнать мнение совещания по принципиальному вопросу о целесообразности такого именно направ-

¹⁾ Архив внешней политики, Средне-азиат. ст., д. № 20. — Заголовок подлинника, на котором помета министра ин. дел Извольского: «По докладу журнала государю благоволительно было заключение совещания высочайше одобрить. Царское Село. Февраль 1907 г.».

²⁾ Часть публикуемого журнала, касающаяся вопроса о Багдадской ж. д. опубликована у Siebert «Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Entente-politik der Vorkriegsjahre».

³⁾ Речь идет о совещании 7 сентября 1906 г. Журнал совещания опубликован в «Красном архиве», т. VI, стр. 59.

ления нашей политики, чтобы затем уже перейти к обсуждению сделанных Англией конкретных предложений.

Совещание приняло принцип разграничения сфер влияния, как единственную возможную основу для соглашения с великобританским правительством, после чего председатель, в видах всестороннего освещения вопроса, указал на теснейшую его связь с предприятием Багдадской железной дороги. Соглашение с Англией может принести ожидаемые от него результаты и предупредить возможность международных осложнений лишь в том случае, если не вызовет возражений со стороны третьих держав, и прежде всего, конечно, Германии, которая, как показали мароккские события ¹⁾ весьма ревниво относится к заключаемым без ее ведома соглашениям, могущим в чем-либо затронуть ее положение как мировой державы. Опасения подобного рода тем более основательны, что Германия, по имеющимся данным, уже обратила свое внимание на Персию и, повидимому, готовится создать себе там интересы. Подтверждением тому же служит и тревога, возбужденная минувшим летом в Германии одним лишь слухом о предстоящем общем соглашении России с Англией. Тревога эта была рассеяна успокоительными заверениями императорского правительства в том смысле, что в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы Германии, оно не свяжет себя никаким соглашением без предварительного уговора с германским правительством. Но несомненно, что для полного обеспечения себя с этой стороны необходимо более определенным образом столкнуться с нашей западной соседкой и до известной степени также разграничить области наших взаимных интересов. Почвой для такого соглашения естественно может служить Багдадская железная дорога, сооружение которой Россия доньше всячески старалась тормозить, заручившись для того содействием Франции и Англии. Поэтому желательно, чтобы совещание высказалось, считает ли оно полезным для России сойти в этом вопросе с того пути, которого она доньше неуклонно держалась.

Министр финансов прежде всего указал, что распространенное мнение о существовании у Германии крупных замыслов промышленно-экономического характера в Персии значительно преувеличено. По имеющимся сведениям, банки, специально финансирующие немецкую торговлю и промышленность в Азии, настолько поглощены существующими предприятиями, что едва ли в состоянии заняться новыми в пределах Персии, тем более теперь, когда тревожное положение вещей в Иране ²⁾ отнюдь не благоприятствует процветанию экономической деятельности. Правда, несколько крупных банков образовали

¹⁾ В 1904 г. между Англией и Францией был заключен договор, по которому Франция отказывалась от всяких притязаний на Египет, а Англия предоставляла Франции свободу «мирного внедрения» (*pacifique pénétration*) в Марокко. Но соглашение было опротестовано Германией в 1905 г., указавшей, что правительство Германии не было осведомлено о соглашении и не признает себя связанным им. Разногласия, чуть было не приведшие к войне Германии с Францией, закончились созывом конференции в Алжире в 1906 г.

²⁾ В 1906—1907 гг. в Персии происходило сильное революционное движение за учреждение конституционного образа правления. Правительство принуждено было пойти на уступки, объявив созыв меджлиса, но вместе с тем стремилось всячески свести эту реформу на-нет, и революционное движение в стране не прекращалось.

учреждение под названием Orientalische Bank¹⁾ и желают организовать филиальное отделение в Тегеране, но, насколько известно, деятельность этого банка в отношении Персии имеет скорее разведочный характер в видах выяснения значения, которое могли бы приобрести в будущем персидские рынки в Германии. Тем не менее наличность германских интересов в Персии не может быть отрицаема, и поэтому уговор, о котором упоминает министр иностранных дел, является в принципе весьма желательным.

Переходя, в частности, к вопросу о Багдадской железной дороге, статс-секретарь Коковцов подтвердил, что все соображения, которые высказывались за последнее пятилетие министерством финансов о вреде сооружаемой дороги для наших интересов, остаются в силе и теперь. Являясь важным транзитным путем между Западной Европой и Индией, предназначенным частью заменить существующее морское сообщение, дорога эта минует наши пределы и таким образом не даст нам никакого участия в выгодах транзита. Затем Багдадская железная дорога, несомненно, поднимет производительность прорезаемых ею плодородных областей Малой Азии и Месопотамии и создаст на европейских рынках нового серьезного конкурента нашему хлебному вывозу. Специально для экономического господства нашего в северной Персии опасность грозят проектированные побочные ветви от магистралей по направлению к персидской границе, которые откроют доступ германским и английским товарам в ближайшую сферу нашего экономического преобладания.

Нельзя однако скрывать от себя, что не в нашей власти помешать постройке Багдадской железной дороги или даже серьезно задержать ее. Единственный для сего способ — воздействие на Францию — является мало надежным, и едва ли нам удалось бы надолго удержать французских капиталистов от участия в предприятии.

Равным образом надо отказаться от мысли, которую иногда высказывали, что можно парализовать опасность Багдадской железной дороги созданием конкурирующего с ней пути, а именно, соединив русские железные дороги с индийскими через афганскую территорию. Англия, несомненно, считает этот транзитный путь более опасным для себя, чем Багдадская железная дорога, и едва ли даст согласие на подобный проект. Остается, следовательно, примириться с неизбежностью осуществления дороги и постараться ценою отказа от противодействия добиться у Германии каких-либо компенсаций. Во всяком случае, министр финансов признает нежелательным для России принять участие в предприятии Багдадской железной дороги. По состоянию наших финансов непосредственное, действительное участие для нас неосуществимо, фиктивное же, в лице какого-либо частного кредитного учреждения и при посредстве французских капиталистов, не обещает нам никаких выгод и не даст реального влияния в деле.

На это замечание гофмейстер граф Бенкендорф ответил указанием, что Англия доныне всегда рассматривала вопрос об интернационализации Багдадской железной дороги в связи с непрямым участием в оной России, и отказ наш от совместной с Англией деятельности может придать совершенно иное направление всему делу.

¹⁾ Германский «Восточный банк» (Orientalische Bank) был основан в 1904 г. и имел свои отделения в Гамбурге, Афинах, Константинополе, Салониках, Смирне.

Министр торговли и промышленности находил, что продолжение нашей обструкционной политики в вопросе о Багдадской железной дороге имело бы значение, если бы мы могли затормозить предприятие на десятки лет. Так как это недостижимо, то желательно хотя бы добиться наиболее существенных компенсаций.

Багдадская дорога столь вредна для русских интересов, что рассчитывать получить компенсации, имеющие положительное для России значение, едва ли возможно. Приходится ограничиться компенсациями, так сказать, отрицательного свойства, т. е. уменьшающими по возможности вред осуществления Багдадской дороги. В этом отношении следует делать различие между магистралью этой дороги и теми, отчасти уже ныне проектируемыми и отчасти могущими осуществиться в будущем ветвями от этой магистрали, которые направлены к персидской границе. Значение магистрали, с точки зрения русских интересов, сводится к сосредоточению на Багдадской дороге транзита из Европы к берегам Персидского залива; этот транзит и ныне, с закрытием Закавказского транзита в 1883 году, миновал Россию, которая таким образом понесет в этом деле лишь косвенный убыток. Напротив, вышеупомянутые ветви, в особенности в случае продолжения их по персидской территории, явятся прямою угрозою нашему экономическому влиянию в естественно отведенной нам сфере интересов, так как они облегчат доступ европейских товаров на северные персидские рынки, где мы теперь господствуем. Поэтому желательно в предстоящих с Англией и Германией переговорах выговорить России, в качестве компенсации за отказ ее противодействовать Багдадской дороге, следующие условия:

- 1) Получить от Германии гарантии, что боковые ветви к персидской границе, подобно проектированной на Ханекен, не будут осуществлены.

- 2) Воспользоваться содействием Англии и Германии, чтобы заручиться продлением хотя бы на десять лет срока истекающего в 1910 г. шахского обязательства не строить железных дорог в северной Персии или изменением этого обязательства в том смысле, что железные дороги в отведенных нашему влиянию областях Персии могут строиться лишь с согласия, а следовательно, с соблюдением интересов русского правительства.

- 3) Изменить в смысле, более ограждающем наши интересы, соглашение с Турцией о постройке железных дорог в северной части Малой Азии.

Представители военного ведомства и генерально-штаба единогласно констатировали невыгодное для России значение с стратегической точки зрения предприятия Багдадской железной дороги и установили, что преимущества, получаемые от нее Турцией, могут быть уравновешены только развитием и улучшением нашей кавказской железнодорожной сети и усилением состава войск в пограничном районе. Компенсаций же от других держав мы в военном отношении получить не можем. Тем не менее, ввиду изложенных соображений, они также присоединились к мысли о желательности вступить на известных условиях в соглашение о Багдадской железной дороге.

Установив, таким образом, принципиальную желательность договориться с Англией и Германией по упомянутым выше вопросам, совещание перешло к детальному обсуждению предложения с.-джемско-

го кабинета. Вступительная часть выработанного оным проекта конвенции не вызвала никаких возражений со стороны присутствующих; относительно включенного в пункты I и II ¹⁾ обязательства для России и Великобритании «не домогаться и не поддерживать ни для себя, ни в пользу обоюдных подданных никаких концессий политического или торгового свойства», шталмейстер Философов предложил дополнить эти пункты указанием на необходимость подобного же обязательства и по отношению к подданным третьих держав, к чему присоединились и остальные члены совещания. Равным образом совещание высказалось за необходимость более точно определить упоминаемые в проекте «концессии политического и торгового свойства» примерным, но не исчерпывающим, перечислением таковых, с указанием на предприятия банковые, железнодорожные, телеграфные, транспортные, страховые и т. п.

Затем председатель предложил перейти к рассмотрению конкретных предложений министерства финансов и генерального штаба относительно линии разграничения сфер влияния. По проекту министерства финансов эта линия должна идти от Касри-Ширина на Хамадан, Тегеран, Мешед, Гаудан. Военное ведомство желало бы отодвинуть эту линию далее на юг.

По этому поводу начальник генерального штаба высказал, что, с точки зрения стратегической, линию следовало бы провести на Исфгань, оставив Керманшах севернее, чрез Иезд, Хакк и закончить ее на афганской границе у местечка Кусан. Для наших интересов весьма важно включение в сферу русского влияния всего Хорасана, так как этим путем мы закрепим за собой существующие и имеющие большое стратегическое значение дороги к Афганистану, проходящие чрез северо-восточную часть Персии.

Генерал-майор Ермолов, поддерживая мысль генерал-лейтенанта Палицына, напомнил, что даже лорд Керзон ²⁾ в своем классическом сочинении о Персии ³⁾ считает северным пределом возможной сферы английского влияния в Иране параллель Исфгани. Поэтому нам, вероятно, не представится особых затруднений уговориться с англичанами о проведении нашей линии через этот пункт. По объяснению представителей генерального штаба, Сеистан, в качестве весьма плодородной местности и естественного пути из Индии, имеет для Англии столь важное значение, что уступка ей в сеистанском вопросе даст нам возможность получить значительные компенсации с ее сто-

¹⁾ Статья I английского проекта соглашения по персидским делам: «Великобритания обязуется не домогаться и не поддерживать ни для себя, ни в пользу британских подданных никаких концессий политического или торгового свойства по ту сторону линии... и не препятствовать ни прямо, ни косвенно требованиям таких концессий в этой области, поддерживаемым русским правительством».

Статья II: «Россия, с своей стороны, обязывается не домогаться и не поддерживать ни для себя, ни в пользу русско-подданных никаких концессий политического и торгового свойства по ту сторону линии, проходящей от афганской границы чрез Газик, Бирджан, Керман и Бендер-Аббас и по границе Афганистана и Белуджистана, и не препятствовать ни прямо, ни косвенно требованиям таких концессий в этой области, поддерживаемым британским правительством».

²⁾ Керзон с 1886 г. член парламента, консерватор. Вице-король Индии в 1899—1904 гг.; с 1904 член палаты лордов. В 1916 г. вошел в коалиционный кабинет Ллойд-Джорджа. Автор известного ультиматума, предъявленного Англией РСФСР в 1923 г.

³⁾ Curson «Persia and Persian question».

роны. Нельзя, кроме того, терять из виду, что сеиستانский вопрос стоит в неразрывной связи с вопросом афганским, представляющим для англичан первостепенную важность. С назначением лорда Китченера на пост главнокомандующего индийской армией¹⁾, весь старый план обороны Индии подвергся коренному изменению. Теперь делается все, чтобы обеспечить возможность быстрого наступления на Гиндукуш, и даже далее, и таким образом вынести оборону Индии за ее пределы. Театром войны англичане, наверное, постараются сделать Афганистан, и афганская армия, которую они, повидимому, желают подвергнуть коренной реорганизации, будет служить им авангардом. Одновременно Сеистан обратится в место концентрации индийских войск, наступающих с юга. При такой постановке дела нам надлежало бы при наших переговорах с лондонским кабинетом добиться того, чтобы Афганистан действительно служил буфером между великобританскими владениями и нашими, как это вытекает из предыдущих соглашений, а не местом будущих действий против нас. Поэтому от Англии можно было бы потребовать обязательства признать *status quo* в Афганистане на основаниях предложенных самим лондонским кабинетом начиная с 1869 года соображений о том, чтобы территория Афганистана являлась буфером между Россией и Англией в Средней Азии, и утверждения за нами права иметь хотя бы торговых агентов в этой стране.

Министр финансов, с своей стороны, сообщил, что линия Касри-Ширин — Хамадан — Тегеран — Мешед — Гаудан была принята финансовым ведомством по соображению с совокупностью реальных интересов России. В этих видах линия проведена с таким расчетом, чтобы в нашей сфере влияния были сохранены весь Азербайджан, Тегеран, берега Каспийского моря и северный Хорасан, где мы уже имеем прочное торгово-промышленное положение.

Генерал-адъютант Диков и д. с. с. Крыжановский присоединились к мнению статс-секретаря Коковцова.

Линия же генерального штаба встретила поддержку министра торговли и промышленности, помощника военного министра и тайн. сов. Аргиропуло. Со своей стороны посол в Лондоне заявил, что он не видел бы препятствий предложить ее великобританскому правительству.

Резюмируя прения по вопросу о возможной границе нашей сферы влияния, гофмейстер Извольский высказал, что теперь, когда мы заняты выработкой соглашения с Англией, имеющего целью именно устранение возможности столкновения с нею, нельзя в деле проведения нашей линии руководствоваться исключительно стратегическими соображениями. Министерство иностранных дел в настоящее время проводит систему последовательных соглашений, которые в конечном результате должны обеспечить нас от столкновений на всем протяжении азиатского фронта. Однако, ввиду указаний военного ведомства, можно попытаться принять в основу наших переговоров с Англией линию, предложенную генеральным штабом, в виде максимума наших требований в этом отношении.

Председатель прибавил, что, становясь на практическую точку зрения, представляется более чем желательным сговориться с англича-

¹⁾ Китченер был главнокомандующим в Индии в 1903—1909 гг.

нами, так как, за отсутствием соглашения с ними, мы все же окажемся не в состоянии при существующих условиях воспрепятствовать утверждению их в Сеистане. Поэтому целесообразнее не пытаться создавать им препятствий, а выговорить себе возможно большие уступки с их стороны в других пунктах. В этом смысле, быть может, удастся, ввиду связи сеистанского вопроса с афганским, добиться от англичан каких-либо уступок в Афганистане.

Со своей стороны статс-секретарь Кокковцов считал нужным по поводу редакционной стороны английского проекта указать на необходимость сделать оговорку о сохранении уже существующих русских предприятий в той сфере, которая будет отграничена Англией, и соответственно английских предприятий в черте нашего влияния. Желательно также установить, что разграничение сфер не отменяет существующего договорного обязательства Персии гарантировать уплату заключенных ею в России займов доходами всех таможен кроме расположенных в Фарсе и на Персидском заливе.

Закрывая заседание, председатель сообщил, что предположения, высказанные на совещании, будут представлены им на всемирнейшее государя императора благоволение на предмет испрошения высочайших указаний для дальнейшего направления переговоров с Англией и Германией.

[Подписи.]

Журнал особого совещания 14 апреля 1907 г. по афганскому вопросу ¹⁾.

Председательствовал:

Министр иностранных дел гофмейстер А. П. Извольский.

Присутствовали:

Министр финансов статс-секретарь В. Н. Кокковцов.

Начальник генерального штаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын.

Министр торговли и промышленности шталмейстер Д. А. Фило-
софов.

Товарищ министра иностранных дел тайн. сов. К. А. Губастов.

Член совета государственной обороны генерал-лейтенант А. П. Про-
топопов.

Помощник военного министра генерал-лейтенант А. А. Поливанов.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Болгарии
действ. ст. сов. Д. К. Сементовский-Курило.

Советник посольства в Лондоне ст. сов. С. А. Поклевский-Ко-
зелл.

Открывая заседание, председатель указал на то, что стоящий на очереди вопрос о согласовании взаимных интересов России и Англии в Афганистане является одним из наиболее серьезных в ряде вопросов, подвергшихся обсуждению во время переговоров о заключении соглашения между обеими державами. Без сомнения, для нас было

¹⁾ Архив внешней политики. Средне-азиат. ст., д. № 20. — Заголовок подлинника, на котором знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

бы весьма важно, чтобы наши отношения к Англии приняли тот дружественный характер, который наиболее отвечает нашим собственным интересам. Англо-русское соглашение явится новой могущественной гарантией мира, который особенно необходим для нас теперь. Мы должны, следовательно, приложить все усилия к тому, чтобы довести до благополучного окончания переговоры с Англией, тщательно избегая всего, что могло бы неблагоприятно отразиться на их ходе.

Эти переговоры, достигшие именно теперь самого жгучего пункта, находятся в непосредственной связи с теми, которые мы ведем с Японией и которые, вероятно, скоро придут к желательному результату, выразившись в заключении серии конвенций, частью вытекающих из условий Портсмутского мира 1905 г., частью же имеющих самостоятельное значение. Предполагается, что, по силе этих конвенций, Россия и Япония взаимно гарантируют целостность своих территорий и обеспечат как свои обоюдные интересы в пунктах их соприкосновения, так и договорные отношения, связывающие оба государства с Китайской империей.

Соглашение с Японией будет однако неполным, если наряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом. Соглашение с нею даст нам недостающую ныне и крайне необходимую устойчивость в наших внешних отношениях. Общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за нею внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов. С этой именно точки зрения нам следует разбирать вопрос афганский и рассматривать предложенные Англией пункты. Означенные пункты не являются проектом конвенции, а представляют собою лишь перечень пожеланий, руководствуясь которыми удалось бы, быть может, достигнуть согласования русских и английских интересов в афганском вопросе. Проект русских контрпредложений будет выработан в зависимости от того решения, к которому придет совещание.

По приглашению председателя, совещание обратилось к рассмотрению общего вопроса о соглашении с Англией по афганским делам на почве английских предложений, с тем, чтобы потом перейти к обсуждению отдельных пунктов его.

Вполне присоединяясь к высказанному гофмейстером Извольским мнению, министр финансов признал, что в области политики весьма важно отделять вопросы насущные, имеющие для страны жизненное значение, от вопросов менее существенных. В частности, для России особенно необходимо в настоящее время точно определить, что ей доступно и, строго ограничиваясь этим, отказаться от всего, что выходит за эти пределы. Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и уклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос является жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией

так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом. По мнению статс-секретаря Коковцова, мы должны принять английские предложения, тем более, что при нынешнем положении вещей англичане и без нашего согласия могут добиться в Афганистане исполнения большинства своих пожеланий. Совершенно необходимо лишь потребовать от Англии обещание, что она со своей стороны не будет стремиться присоединить Афганистан к своим владениям или оккупировать его.

Со своей стороны начальник генерального штаба сообщил, что разделяет взгляды гофмейстера Извольского и статс-секретаря Коковцова. По мнению генерал-лейтенанта Палицына, существенно лишь отделить совершенно вопрос афганский от памирского, сохранив на Памирах *stat s quo*. С точки зрения стратегической решающее значение для нас в Средней Азии имеет не Афганистан, а Сеистан. Поэтому все, что мы могли бы потребовать от Англии, заключается в отказе ее от принятия в северном Афганистане мер военного характера. Такое заверение Англии, включенное в окончательный текст соглашения, было бы вполне достаточным и обеспечило бы нашу средне-азиатскую границу. Необходимо однако обратить внимание на то, что в английской политике заметна двойственность. Великобританское министерство иностранных дел, очевидно, искренне стремится к соглашению с нами. Но, к сожалению, меры военной обороны Индии, проводимые лордом Китченером со строгой систематичностью, имеют явно агрессивный характер, с чем мы не можем не считаться.

По этому поводу помощник военного министра констатировал со своей стороны, что наше военное положение в Средней Азии далеко неудовлетворительно, между тем как предпринимаемые реформы и улучшения в военном деле внутри империи требуют, естественно, очень больших затрат, и мы не можем обратить необходимых средств на приведение наших средне-азиатских дел на нужную степень боевой готовности. Ввиду этого соглашение с Англией нам крайне необходимо, так как оно гарантирует на более или менее долгое время мир и спокойствие на нашей слабозащищенной средне-азиатской границе.

Касательно поднятого генерал-лейтенантом Палицыным вопроса о желательности получить от Англии обязательство не предпринимать против нас военных мер в Афганистане гофмейстер Извольский сообщил, что, как видно из записки, переданной маркизом Лансдоуном нашему послу в Лондоне в феврале 1905 года, Англия уже в то время готова была дать нам формальное заверение, что она не будет присоединять или оккупировать афганскую территорию и не предпримет в Афганистане никаких агрессивных против нас действий. Что касается военных мер индийского правительства, то не надо упускать из виду, что в Англии на Афганистан смотрят как на величину, еще не вполне определившуюся и пока не утратившую характера постоянной угрозы англо-индийским владениям. Таким образом, оборона Индии вовсе не направлена исключительно против России, а имеет в виду также Афганистан, о чем в самое последнее время совершенно определенно доносил посол наш в Лондоне.

По мнению генерал-лейтенанта Протопопова, заключаая соглашение с Англией по афганскому вопросу, нам надлежало бы добиться некоторых компенсаций за счет тех уступок, которые, очевидно, придется сделать Англии. Такими компенсациями можно считать гарантию *status quo* на всей нашей азиатской границе, а также решение в нашу пользу вопроса о проливах.

Министр торговли и промышленности, со своей стороны, присоединился к мнению о крайней важности для нас вступить в соглашение с Англией по афганскому вопросу, причем основанием такого могут служить предложенные Англией пункты, к обсуждению которых в отдельности совещание и приступило.

По пункту первому¹⁾ председатель высказал, что мы уже не раз заявляли Англии о признании нами Афганистана вне сферы русского влияния. Наш образ действий в отношении Афганистана подтверждал эту точку зрения и на практике. Единственной попыткой войти в прямые сношения с эмиром афганским была миссия Столетова²⁾ в 1878 году, непосредственно вслед за коей вспыхнула англо-афганская война. Однако подозрительное к нам отношение англичан усилилось, когда в 1900 году английскому правительству был передан меморандум, которым мы уведомляли о намерении вступить в непосредственные сношения с Афганистаном по неполитическим вопросам пограничного свойства. По своему содержанию этот меморандум заключал лишь те же пожелания, которые находятся в обсуждаемых ныне английских предложениях, но обстоятельства того времени заставили смотреть на этот меморандум, как на угрозу, за которой должны были следовать более серьезные действия. Весьма вероятно, что именно под впечатлением этой угрозы и с целью во что бы то ни стало обеспечить свои азиатские владения Англия через два года заключила союз с Японией, идущий вразрез с традициями английской политики и направленный против России. Таким образом, вопрос афганский, по существу своему имеющий чисто местное значение, оказался связанным с самыми широкими вопросами мировой политики. От нашего отношения к первому пункту английских предложений по поводу Афганистана, заключающему признание нами этой страны вне сферы русского влияния и подчинение ее международных сношений английскому контролю, будет зависеть, утратит ли афганский вопрос приобретенное им значение и сделается ли он попрежнему вопросом местным.

Совещание единогласно и без возражений нашло возможным вполне согласиться с первой частью рассматриваемого пункта и формально признать Афганистан вне сферы русского влияния.

По этому поводу д. с. с. Семеновский и Курло возбудил вопрос о том, не желательно ли внести в первый пункт определение Аф-

¹⁾ Пункт I английских предложений: «Правительство его величества намеревалось бы просить российское правительство признать Афганистан стоящим вне русской сферы влияния и под британским руководством во всех вопросах внешней политики».

²⁾ Миссия ген. Столетова в действительности была послана в Кабул в ответ на появление английской эскадры у Константинополя, который предполагалось занять русскими войсками после падения Плевны во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Столетову поручено было обещать афганскому эмиру материальную и военную поддержку против Англии. По его совету эмир отказался принять поспешно высланное Англией посольство. Это послужило формальным поводом к началу второй англо-афганской войны 1878—1880 гг.

ганистана как государства буфера, ввиду того значения, которое это выражение приобрело в науке и практике международного права. Некоторые члены совещания возразили указанием, что само по себе слово «буфер» не имеет точно определенного значения и что достаточно ограничиться теми выражениями, которые употреблены в тексте первого пункта английского предложения. Председатель упомянул, что слово «буфер» приобрело теперь право гражданства и включение его в текст соглашения вполне возможно, но что этот вопрос имеет скорее редакционный характер и что поэтому предпочтительно отложить решение такового до того момента, когда нужно будет приступить к редактированию проекта соглашения.

Статс-секретарь Коковцов выразил сомнение, не равносильно ли признание нами права контроля Англии над международными сношениями Афганистана признанию английского протектората над этой страной. Поэтому министр финансов предложил, со своей стороны, вместо текста второй части первого пункта английских предложений указать лишь, что Россия отказывается от непосредственных политических сношений с главою Афганистана.

По этому поводу председатель заявил, что, как уже раньше высказывало министерство иностранных дел, едва ли нам можно вмешиваться в вопросы о контроле Англии над внешними сношениями Афганистана, который, в сущности, не выходит из сферы отношений между английским правительством и самим эмиром. Не надо забывать, что Афганистан есть страна совершенно замкнутая и уклоняющаяся от более или менее постоянных сношений с соседями.

Со своей стороны ст. сов. Поклевский-Козелл прибавил, что политические сношения между индийским правительством и Кабулом очень ограничены. В Кабуле находится английский агент, мусульманин, имеющий лишь значение передаточной инстанции. Он получает письма вице-короля и его чиновников и передает их эмиру афганскому. Положение этого агента таково, что ни один афганец не может вступать с ним в сношения помимо чисто служебных. Такую же незначительную роль играет агент эмира в Калькутте. При этих условиях признание нами контроля Англии над международными сношениями Афганистана едва ли может представить для нас неудобства и вызвать какие либо перемены в *status quo*.

Председатель высказал, что, по его мнению, в первый пункт мы должны были бы включить требования о том, чтобы Англия гарантировала: 1) что она не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны и 2) что она не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России.

По второму пункту¹⁾ английских предложений председатель сообщил, что мы фактически уже пользуемся правом пограничных сношений с Афганистаном. Тем не менее официальное признание этого права англичанами для нас существенно важно.

Генерал-лейтенант Протопопов находил, что во избежание недоразумений в будущем нам нужно ясно и точно определить

¹⁾ Пункт II английских предложений: «Оно [английское правительство] не имело бы возражений против установления непосредственных сношений между русскими властями и властями, указанными эмиром афганским, по вопросам чисто местного характера и неполитического свойства».

в окончательном тексте, какие именно русские и афганские власти могут сноситься между собою и по каким вопросам.

Это предложение однако встретило возражение советника посольства в Лондоне, указавшего, что нам выгоднее не вводить точных определений в текст соглашения ввиду того, что такое определение может легко связать нас и стеснить нашу свободу действий. Правильнее было бы решить этот вопрос последующим обменом нот.

К мнению ст. сов. Поклевского присоединились прочие члены совещания.

В соответствии с таким мнением большинства председатель установил, что второй пункт английских предложений в принципе принят без оговорок.

По пункту третьему ¹⁾, касающемуся отказа России от посылки агентов в Афганистан, гофмейстер Извольский высказал, что Англия не имеет в Афганистане своих агентов.

Торговля Индии с Афганистаном совершается таким образом, что индийские караваны приходят на границу и передают товары афганцам, причем англо-индийские купцы не переходят границу. Со своей стороны афганские караваны также передают свои товары индийским, не переступая линии индийской границы. Вполне очевидно, что Англия никогда не согласится дать нам больше, чем она имеет сама. Наши торговые агенты, несомненно, будут одновременно с тем политическими и военными и всегда будут вызывать подозрения англичан. Кроме того, их жизнь постоянно будет в опасности ввиду известной вражды афганцев ко всем иностранцам, а это обстоятельство будет служить вечным источником недоразумений с афганским правительством, а следовательно и с Англией.

По объяснению ст. сов. Поклевского, Англия считает наш отказ от посылки агентов в Афганистан лучшей гарантией того, что наше влияние не будет распространяться в этой стране в ущерб английскому.

Возражая советнику посольства в Лондоне, шталмейстер Фило-софов высказал, что если мы откажемся от посылки агентов, то следовало бы добиться и от Англии подобного же обязательства.

Со своей стороны генерал-лейтенант Палицын признал необходимым внести поправку к английскому тексту третьего пункта в том смысле, что, отказываясь ныне от посылки торговых агентов в Афганистан, мы оставляем за собой право впоследствии, при изменившихся условиях товарообмена с Афганистаном, вновь возбудить этот вопрос.

По мнению министра финансов, третий пункт можно было бы редактировать с указанием на то, что, если бы мы решились послать торгового агента в Афганистан, мы предварительно войдем в сношения по этому поводу с великобританским правительством.

Предложения статс-секретаря Коковцова и генерал-лейтенанта Палицына были признаны наиболее отвечающими целям нашей политики в данный момент, и совещание высказалось за желательность найти такую формулировку пункта третьего, которая, удовлетворяя пожелания англичан, обеспечивала бы нам возможность вернуться к вопросу о торговых агентах впоследствии.

1) Пункт III английских предложений: «Оно желало бы просить российское правительство воздерживаться от отправления агентов в Афганистан».

Пункт четвертый ¹⁾ английских предложений, требующий отказа России от премирования русского вывоза в Афганистан, вызвал оживленный обмен мнений и существенные возражения со стороны министра торговли. Шталмейстер Философов констатировал, что никаких специальных премий на русский вывоз в Афганистан не существует. Дело, очевидно, основано на недоразумении, и англичане принимают за премии возврат нами: 1) пошлин на хлопчатобумажные изделия, вывозимые за границу, 2) акциза на сахар и керосин и 3) пробирных пошлин на серебряные и золотые изделия. Возврат этих сборов распространяется на всю русскую границу. Требуя от нас, чтобы мы отказались от возврата пошлин на афганской границе, Англия тем самым ставит нас в ложное положение относительно всех других государств. На возврат пошлин и акцизов следует смотреть лишь как на возмещение промышленникам налогов на внутреннее потребление, каковое возмещение совершенно необходимо, чтобы поставить их в равное положение по отношению к промышленникам других стран, которым приобретение и сырья и орудий производства обходится дешевле, чем нашим, и таким образом дать последним возможность конкурировать на внешних рынках с иностранцами. Следует отметить, что повышение ввозных пошлин на сырой хлопок вызвало повышение цены хлопка местного средне-азиатского производства. Именно, пуд местного хлопка первого сорта, стоивший в 1898 году 1 рубль 94 коп., с 1902 г. повысился до 3 рублей 7 коп., то-есть более чем на 1 рубль, при повышении ввозной пошлины на 1 рубль. Аналогично повысилась цена и других сортов хлопка. Это явление объясняется прогрессивным стремлением средне-азиатских хлопководов уравнивать цены своего товара с ценами заграничного. Исходя из этих соображений, шталмейстер Философов полагал желательным отклонить пункт четвертый английских предложений.

Со своей стороны статс-секретарь Коковцов указал на то, что, так как возврат пошлин есть мера общегосударственная, применяемая на всем протяжении наших границ, то в случае, если мы откажемся от таковых по афганской границе, последствием будет обращение к нам аналогичных требований от всех держав, стоящих к нам в отношениях наиболее благоприятствуемой нации, а это уничтожило бы плоды всей нашей таможенно-экономической политики за последние годы. Нам следовало бы лишь сообщить Англии, что в отношении Афганистана мы обязуемся не принимать никаких специальных мер премирования вывозимых товаров, которые не применялись бы на всем остальном протяжении нашей границы.

Переходя к обсуждению пункта пятого ²⁾, председатель разъяснил, что Афганистан, действительно, взимает с русских товаров дифференциальные пошлины, ставя их таким образом в весьма невыгодное положение перед товарами английского происхождения. Так, например, некоторые товары, уплачивающие при ввозе из Индии в

1) Пункт IV английских предложений: «Прекратить выдачу премий в виде субсидий русской торговле в этой стране».

2) Пункт V английских предложений: «Правительство его величества не препятствовало бы тому, чтобы те же облегчения были дарованы русской торговле с Афганистаном, каковыми британские и англо-индийские купцы пользуются теперь на территории эмира».

Афганистан 5%, облагаются при ввозе из России непомерной пошлиной, доходящей в иных случаях до 40%.

По этому поводу министр торговли сообщил, что ни одно государство не отвечает репрессалиями на возврат нами пошлин, кроме Афганистана, который всегда увеличивает свою пошлину на сумму, соответствующую увеличению возвращаемой нами пошлины. Теперь мы приплачиваем ежегодно около 1 200 000 рублей по нашему товарообмену с Афганистаном. Желательно устранить это явление и установить, чтобы наши товары в Афганистане не облагались больше английских.

Министр финансов со своей стороны высказал, что пункт пятый английских предложений должен быть распространен не только на взимаемые в пограничных таможенных пошлины, но и на существующие в Афганистане внутренние сборы, которые даже при понижении афганского таможенного тарифа могут сделать невозможным русский вывоз в Афганистан.

По предложению председателя, министр торговли и промышленности взял на себя разработать редакцию проекта контрпредложений пунктов четвертого и пятого в соответствии с высказанными совещанием пожеланиями.

Закрывая заседание, председатель выразил уверенность, что выяснившееся в совещании единодушное желание притти с Англией к соглашению по афганскому вопросу является лучшим залогом близкой возможности достигнуть его, при соблюдении полностью насущных интересов России.

[Подписи.]

Журнал заседания особого совещания 11 августа 1907 г. о заключении с Англией соглашения по вопросу об Афганистане ¹⁾.

Председательствовал:

Председатель Совета министров, министр внутренних дел гофмейстер П. А. Столыпин.

Присутствовали:

Министр иностранных дел гофмейстер А. П. Извольский.

Начальник генерального штаба генерал-от-инфантерии Ф. Ф. Палицын.

Управляющий министерством торговли и промышленности тайн. сов. М. А. Остроградский.

Помощник военного министра ген.-лейтенант А. А. Поливанов.

Товарищ министра иностр. дел тайн. сов. К. А. Губастов.

Товарищ министра финансов д. с. с. Н. Н. Покровский.

И. о. старшего вице-директора первого департамента министерства иностранных дел д. с. с. А. А. Нератов.

Открыв заседание, председатель Совета министров просил министра иностранных дел, как наиболее компетентного в рассмат-

¹⁾ Архив внешней политики. Средне-азиат. ст., д. № 2325.—Заголовок подлинника, на котором имеется знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

риваемом вопросе участника совещания, принять на себя руководство прениями.

Гофмейстер Извольский, вкратце ознакомив присутствующих с ходом переговоров с Англией по афганским делам, сообщил, что они привели к установлению, по обоюдному согласию, текста проекта конвенции, который и представляется на рассмотрение настоящего совещания.

Во время этих переговоров министерству иностранных дел предстояло сообразовать между собою пожелания отдельных ведомств и добиться согласия Англии на их осуществление. Эта последняя задача представляла собою значительные трудности. Нельзя забывать, что в самом существе дела скрывалось глубокое различие между взглядами России и Англии на афганский вопрос. До последнего времени в России не оценивали по достоинству значение того факта, что Англия связана с Афганистаном совершенно особыми отношениями, в значительной степени ставящими его в зависимость от Великобритании и даже отдающими под ее контроль внешние его сношения. Теоретически мы придерживались взгляда, что мы свободны относиться к Афганистану, исключительно руководствуясь нашими желаниями, и не принимали в расчет серьезных интересов Англии в этой стране. Именно под влиянием такого взгляда состоялась известная миссия генерала Столетова в Кабул в 1878 году, на которую англичане ответили афганским походом лорда Робертса¹⁾, с самыми благоприятными для них результатами, — а затем в 1900 году было сделано нами заявление Англии о решении России установить непосредственные сношения с Афганистаном. В действительности же оказалось, что осуществить такие взгляды мы не в состоянии, и не подлежит сомнению, что, если бы мы перешли от слов к делу и попытались отправить агентов в Афганистан, то англичане, ввиду опасности, которая грозила бы от этого насущным интересам их, были бы вынуждены ответить самыми решительными мерами, быть может, вплоть до нового занятия Кабула. Само собой разумеется, что от такого оборота дела мы ничего не выиграли бы, так как своих планов мы все же не могли бы привести в исполнение, а на войну с Англией из-за Афганистана мы вряд ли решились бы.

В настоящее время наша политика по отношению к Афганистану изменилась, и мы вступили на путь установления реальных юридических отношений с Англией в этих делах. С этой целью наиболее важным представлялось для нас добиться, во-первых, гарантий того, что англичане не будут стремиться к изменению настоящего положения Афганистана, а во-вторых, обеспечить себе право голоса на случай, если бы возникли какие-либо осложнения, чтобы не оставаться пассивными зрителями процесса перемен в соседнем государстве, могущих затронуть наши интересы. При этом являлось желательным для большей успешности переговоров устранить все подробности, могущие лишь затемнить сущность вопроса и, вызвав подозрительность англичан, повредить делу установления с Англией общего соглашения по азиатским делам.

¹⁾ Робертс, лорд, был главнокомандующим английской армией во время англо-афганской войны 1878—1880 гг. и англо-бурской 1899—1902 гг.

Результатом переговоров явился проект конвенции, к постатейному разбору которого приступил гофмейстер Извольский.

Рассматривая статью I¹⁾, министр иностранных дел сообщил, что первоначальное предположение о введении в соглашение понятия об Афганистане, как о «буфере», было устранено ввиду недостаточной определенности такого наименования.

Весьма сложная статья английского проекта²⁾, в которой англичане пытались установить условия сохранения современного status quo в Афганистане, была впоследствии также опущена. Необходимо принять во внимание, что эта статья английского проекта фактически отдавала Афганистан в бесконтрольное распоряжение Англии. Великобританское правительство обязывалось сохранять status quo в Афганистане, при непрременном лишь условии исполнения со стороны эмира обязательств Дэнковского договора 1905 года. Последствия такого положения вещей предугадать нетрудно — индийское правительство могло бы даже вполне сознательно вызвать эмира на нарушение договора 1905 года и, пользуясь этим, занять и присоединить любую часть афганской территории или вмешаться во внутреннее управление страны. При этом мы не имели бы никакой возможности предпринять что-либо, так как на все наши представления англичане отвечали бы указанием на точное постановление статьи II соглашения. Устранение этого условного обязательства вызывало однако у нас необходимость добиться включения в соглашение постановления, гарантирующего неизменность политического положения Афганистана. Этой цели удалось достигнуть путем введения во II статью общего обязательства Англии не изменять политическое положение Афганистана, что, в связи со статьей V³⁾, предусматривающей обмен взглядов между обеими державами при наступлении изменений, дает нам, казалось бы, полную гарантию, что афганистанский вопрос отныне не может быть решен без нашего участия. Введению этой V статьи английский кабинет весьма долго противился, так как ее содержание идет вразрез с такой аксиомой английской политики, как необходимость полного отстранения Афганистана от какого-либо влияния иностранного государства. Поэтому согласие на принятие V статьи, достигнутое нами с величайшим трудом и путем долгих и настойчивых требований, представляется

¹⁾ Статья I русского проекта конвенции от 2 мая 1907 года: «Афганистан образует государство-буфер между владениями, принадлежащими двум договаривающимся государствам».

²⁾ Статья II английского проекта конвенции: «Ввиду заявления британского правительства в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, о том, что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдулрахманом, и что оно не имеет желания вмешиваться во внутреннее управление его территории, Великобритания обязуется не присоединять и не занимать в нарушение этого договора никакой части Афганистана, а также не вмешиваться во внутреннее управление страны, при условии, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые по отношению к правительству его величества на основании вышесказанного договора. Далее Великобритания обязуется пользоваться своим влиянием в Афганистане лишь в миролюбивых целях по отношению к России и не предпримет сама и не будет поощрять Афганистан предпринимать какие-либо меры, угрожающие русской границе. С другой стороны, российское правительство обязуется не присоединять и не занимать никакой части Афганистана и не предпримет никаких мер, влекущих за собой вмешательство во внутреннее управление территорией эмира».

³⁾ Статья V: «Если произойдет изменение в политическом положении Афганистана, высокие договаривающиеся стороны войдут в дружественный обмен взглядов по этому предмету».

весьма крупной уступкою со стороны Англии. Соответствующее постановление редактировано в общепринятых на дипломатическом языке выражениях, еще недавно примененных в соглашении, заключенном Англией и Францией по делам Марокко и Египта.

Взамен содержащихся в статьях I и V обязательств, взятых на себя Англией, мы отказываемся от права политических сношений. Однако эта уступка — чисто теоретическая, так как в действительности мы никогда не имели прямых политических связей с Кабулом и могли бы установить их, вероятно, лишь путем удачной войны. Что касается права непосредственных пограничных сношений, к осуществлению которого мы так давно стремимся, то II статья проектируемого соглашения гарантирует их нам и дает им юридическую санкцию. По этому поводу необходимо заметить, что в первоначальном фазисе переговоров англичане усиленно старались по возможности сузить круг лиц, на которых предполагается возложить обязанности по непосредственным сношениям. Однако затем удалось добиться значительного расширения постановлений соответствующей статьи, и мы будем иметь возможность назначить для сношений с афганцами не только власти приграничные, но и более авторитетные органы управления пограничных областей.

При окончательном редактировании статьи III¹⁾, касающейся русско-афганской торговли, были опущены подробности, внесенные в один из первых проектов конвенции. Взамен этого введено более общее постановление, обеспечивающее за нашей торговлей все преимущества, предоставляемые торговле английской; таким образом мы гарантируем себе полное торговое равноправие с Англией. Такая общая формула представляется наиболее выгодной для нас, а упоминание о каких-либо лишних подробностях, перечень которых никогда не может быть исчерпывающим и не может предусматривать все частности русско-афганского товарообмена, в гораздо меньшей степени отвечало бы нашим интересам.

Наконец, статья IV²⁾, определяющая, что договор вступает в силу лишь с момента извещения нас о согласии эмира с постановлениями конвенции, является результатом долгих и настойчивых объяснений с англичанами и представляется совершенно необходимым элементом конвенции, все значение которой, в случае отсутствия соответствующего постановления, свелось бы к нулю, при нежелании эмира признавать этот договор.

Закончив рассмотрение отдельных статей соглашения, гофмейстер Извольский высказал, что во всяких переговорах наступает момент, когда доводы сторон исчерпаны, и необходимо привести их к известному компромиссу. Таково нынешнее положение вещей. Ожидать дальнейших уступок от Англии, по глубокому убеждению министра, невоз-

¹⁾ Статья III: «Правительства Великобритании и России объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были и будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства условятся о мерах, какие следует принять, взяв, конечно, во внимание верховные права эмира».

²⁾ Статья IV: «Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше поставленные».

можно. Настоящему совещанию надлежит поэтому окончательно решить вопрос — приемлем ли рассматриваемый проект соглашения или нет. Необходимо иметь в виду, что вопрос этот следует решать, не только стоя на почве интересов отдельных отраслей управления, но и с более широкой — общегосударственной точки зрения.

Рассматривая с этой стороны наше соглашение с Англией относительно Афганистана, мы должны признать, что настоящий момент — поворотный пункт всей нашей внешней политики. Кроме афганского у нас уже близится к завершению соглашения о Персии и Тибете. Оба эти вопроса также возбуждали постоянную опасность осложнений с Англией. Война 1904—1905 годов и внутренние неурядицы поставили Россию в тяжелое положение. Весьма часто высказывается мнение, что мы близки к новой войне с Японией и ее союзницей Англией, и, действительно, были моменты, когда существовали поводы полагать, что для этих опасений существуют серьезные основания. Поэтому целью нашей политики должно быть именно ограждение нас от подобной опасности. Нам удалось достигнуть соглашения с Японией¹⁾, дающего нам весьма существенную гарантию мира, так как оно является частью целой сети международных соглашений, связывающих Японию, Англию и Францию. Нарушить одно из соглашений, входящих в эту сеть, очень нелегко, — это отразилось бы на самых разнообразных и взаимно-перекрепляющихся международных интересах на Дальнем Востоке. Ограждение своих интересов и закрепление мира в этих областях для России имеет едва ли не большее значение, чем для других держав. Общая политическая конъюнктура такова, что можно ожидать наступления на европейском фронте крупных потрясений, как, например, в Австрии и на Балканском полуострове. Если бы Россия продолжала быть связанной неопределенным положением на Дальнем Востоке и не могла поднять своего голоса в такой момент решения европейских вопросов, она сразу сошла бы на уровень второстепенной державы. Мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России.

В силу этих соображений министр иностранных дел не может не придавать первостепенного значения благополучному завершению переговоров с Англией.

Председатель Совета министров высказал, что, по его мнению, успешное заключение соглашения с Англией представляется действительно большим государственным делом. Наше внутреннее положение не позволяет нам вести агрессивной внешней политики. Отсутствие тревоги с точки зрения международных сношений для нас крайне важно, так как оно даст нам возможность с полным спокойствием посвятить все свои силы устройству дел внутри страны. При таких условиях заключение соглашения по восточным делам должно быть признано наиболее отвечающим нашим интересам. Достигнутое уже соглашение с Японией и близкое ныне соглашение с Англией являются победами нашей дипломатии. Не останавливаясь на отдельных подробностях соглашения, гофмейстер Столыпин признал преимуще-

¹⁾ Здесь имеется в виду секретное соглашение, заключенное между Россией и Японией в Петербурге 30 июля 1907 г. по вопросам о Манчжурии, Корее и Монголии.

ства последнего проекта, в силу которого мы действительно получим от Англии серьезные уступки, и сообщил, что он высказывается в пользу принятия этого проекта.

Со своей стороны начальник генерального штаба высказал, что он разделяет мнение председателя Совета министров и признает проект соглашения в общем для нас выгодным. Если Англия отнесется к договору вполне искренне, то мы вполне обеспечены даже с военной точки зрения.

Присоединяясь к заявлениям гофмейстера Столыпина и генерал-от-инфантерии Палицына, помощник военного министра заявил, что он особенно приветствует широкие рамки соглашения, не заключающего в себе никаких излишних и ненужных подробностей. Однако, со своей стороны, генерал-лейтенант Поливанов пожелал осведомиться, во-первых, о том, какие именно власти должны будут вести непосредственные сношения с афганцами, и, во-вторых, не вызовет ли каких-либо недоразумений полное неупоминание в соглашении о Бухаре.

По этим вопросам гофмейстер Извольский разъяснил, что на Бухару фактически следует смотреть, как на часть русской территории, и что упоминание о ней параллельно с Россией в договоре могло бы иметь весьма неудобные последствия, давая повод рассматривать Бухару, как самостоятельную страну, чего мы всемерно должны избегать. Что касается властей для пограничных сношений, то англичане желают лишь, чтобы эти власти были точно указаны, предоставляя назначение их усмотрению российского правительства.

Управляющий министерством торговли, со своей стороны, признавая все значение соображений, изложенных в заседании с точки зрения политики как внешней, так и внутренней и не оспаривая поэтому важности притти с Англией к соглашению, считал бы все же желательным остановиться на некоторых частностях проекта, дабы по возможности оградить наши интересы в экономическом отношении. Тайн. сов. Остроградский высказал, что за большие уступки общего характера, которые мы делаем Англии, представлялось бы, может быть, возможным получить компенсации в области торговли. Баланс нашей торговли с Афганистаном заканчивается с ежегодным убытком в 1½ миллиона рублей. Это есть результат финансово-таможенной политики эмира, направленной к поощрению англо-афганского товарообмена в ущерб русскому. Министерству торговли известно, что эмиром афганским в свое время предписано было взимать с товаров русских в три раза большую пошлину, чем с соответствующих английских. Затем целым рядом мер афганского правительства обложение сахара, керосина и других товаров русского происхождения доведено до размеров, близких к запретительным, при обложении тех же товаров по англо-индийской границе всего лишь в 5% стоимости их. Закрывая соглашение с Англией, мы должны были бы добиться включения статьи, устанавливающей однообразное таможенное обложение русских и английских товаров в Афганистане. Нельзя однако не признать, что предъявлять Англии требование об установлении в Афганистане правильной таможенной администрации шло бы слишком далеко и, в крайнем случае, могло бы ограничиться хотя бы нравственным обязательством великобританского правительства стремиться к удов-

летворению наших пожеланий. Если бы однако, по ходу переговоров, в настоящее время было неудобно вносить какие-либо изменения в проект соглашения, то желательно, по крайней мере, войти с Англией в обмен взглядов по этому предмету и оформить соответственное обязательство официальным документом. Кроме того тайн. сов. Остроградский отметил недостаточную, по его мнению, определенность второй части статьи III относительно посылки коммерческих агентов в Афганистан, так как возможность такой посылки, ввиду постановления статьи I, являлась бы совершенно проблематичной.

Товарищ министра финансов, присоединяясь к мнению тайн. сов. Остроградского, высказался за желательность иметь прямое обязательство Англии о том, чтобы наши коммерческие агенты были допущены в Афганистан. Касаясь статей, имеющих политический характер, д. с. с. Покровский выразил сожаление об исключении статьи II прежнего английского проекта, упоминавшей о Дэновском договоре 1905 года, которая, хотя и не безусловно, заключала обязательство Англии воздерживаться от занятия страны и вмешательства в ее управление. По мнению д. с. с. Покровского, нынешняя статья I дает в этом отношении меньшие обеспечения.

По поводу замечаний тайн. сов. Остроградского и д. с. с. Покровского — министр иностранных дел заявил, что он совершенно не соглашается с справедливостью таковых замечаний, и сообщил, что, по его мнению, статья III, гласящая, что Англия признает в отношении России принцип торгового равноправия и обещает, что все облегчения в торговом отношении, которые принадлежат или будут приобретены английской торговлей в Афганистане, тем самым распространяются и на русскую торговлю, вполне ясна и не требует, казалось бы, каких-либо дополнений. Однако, дабы избежать каких-либо недоразумений, министр иностранных дел не преминул уже самым тщательным образом обсудить сущность статьи о торговле совместно с великобританским представителем. Из письменных и устных заверений последнего явствует, что английское правительство действительно понимает редакцию статьи в том смысле, что все выгоды, получаемые британскими торговлей и купцами в Афганистане, *ipso facto* будут служить к равной пользе русских торговли и купцов и что коммерческие уступки, полученные от эмира, будут автоматически распространяться одинаково на торговлю и купцов обоих народов. После происходивших объяснений относительно смысла новой редакции III статьи, по мнению министра иностранных дел, было бы для русских интересов невыгодно настаивать на внесении в соглашение каких-либо подробностей, которыми весь предмет не мог бы быть исчерпан. Более широкая постановка вопроса, напротив, дает возможность требовать применения равноправия в его полном объеме.

По поводу замечаний тайн. сов. Остроградского о коммерческих агентах гофмейстер Извольский объяснил, что так как в мысли о посылке агентов в Афганистан кроется политический интерес, то статья I должна была быть пополнена соответственными постановлениями. Статья же III, касаясь исключительно торговли, предусматривает возможность изъятий, хотя бы в будущем, из общего правила, вызываемых развитием торговли. Что же касается включения статьи II, то нельзя забывать ее невыгодной стороны — она, как уже было ска-

зано в начале совещания, давала Англии право вмешиваться в афганские дела под предлогом нарушения эмиром его договорных обязательств, причем мы не имели бы возможности даже протестовать против ее вмешательства. Теперь же мы гарантированы в том смысле, что малейшее нарушение *status quo* страны даст нам право голоса при решении возникающих на почве Афганистана вопросов.

В заключение совещание, основываясь на высказанных мнениях, особенно же принимая во внимание соображения общегосударственного характера, сделанные председателем Совета министров и министром иностранных дел, признало желательным вступить с Англией в соглашение на почве представленного гофм. Извольским проекта.

При этом тайн. сов. Остроградский пояснил, что, присоединяясь к этому постановлению, он в данном случае руководствуется разъяснениями, сообщенными мин. ин. дел в ответ на высказанные им сомнения, но желательно, чтобы его соображения были внесены в журнал заседания.

[Подписи.]
